

Гамидов Джанбек Тельманович

ПРЕОДОЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КВГД

18+

Джанбек Гамидов

Преодоление.

История взросления

<https://litres.ru/74280727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я старался бережно передать атмосферу армейской службы, однако предполагаю, что мог допустить мелкие неточности.

Помните: перед вами художественная книга — армейский быт здесь лишь полотно к рассказанной мной истории, которая проста лишь на первый взгляд.

Герои и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Искренне благодарен, что даёшь этой истории шанс. Пусть она найдёт отклик в твоём сердце.

Приятного чтения!

В прохладный ноябрьский день жизнь Петра Соколова, студента второго курса медицинского колледжа, кардинально меняется, когда он получает повестку из военкомата.

Сможет ли он справиться с давлением, которое нависло над ним и найти в себе силы, чтобы стать не столько солдатом, сколько человеком, способным преодолеть все преграды?

Эта история о мужестве, самопринятии и поиске своего места в мире, где каждый выбор может стать решающим.

Содержание

Отмечу, что	4
ПРОЛОГ	6
КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	53
Глава 6	72
Глава 7	85
Глава 8	97
ПРИСЯГА	106
ПЕРВАЯ ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ РОТА	109
Глава 1	109
Глава 2	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Преодоление. История взросления

Отмечу, что

Рассказ прошёл процесс депонирования. Любое использование материала данной книги полностью или частично, без разрешения правообладателя (автора) запрещается.

© Гамидов Д.Т., текст, 29.07.2026г.

© Серия КВГД, 29.07.2026г.

© «Преодоление. История взросления», 29.07.2026г.

Я старался бережно передать атмосферу армейской службы, однако предполагаю, что мог допустить мелкие неточности.

Помните: перед вами художественная книга — армейский быт здесь лишь полотно к рассказанной мной истории, которая проста лишь на первый взгляд.

Герои и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Искренне благодарен, что даёшь этой истории шанс. Пусть она найдёт отклик в твоём сердце.

Приятного чтения!

Внимание: в книге присутствует ненормативная лексика. Она служит художественным инструментом — помогает в описании армейского быта и передачи предельного эмоционального напряжения героев.

ПРОЛОГ

Напротив друг друга стояли два человека, одеяния которых явно не соответствовали зимней погоде. Уличный мороз пронизывал до костей, а кровь, замёрзшая на руках и расчёванной брови, не предвещала ничего хорошего.

Первый из них был взрослым мужчиной, его плечи украшали блестящие звёзды на погонах. В руках он держал нечто ценное, что мерцало в тусклом свете холодного вечера.

Второй — молодой парнишка, ещё не достигший двадцати, был одет в свитер и штаны военной формы, а на ногах у него болтались казарменные тапочки. По его спине пробежал холодок, а сердце, казалось, замерло в груди от страха. Мышцы напряжены, всё тело словно окаменело.

Хлопья снега кружились в воздухе, мешая ему сосредоточиться на противнике.

В душе парнишки бушевали чувства, и, хотя он не знал, что делать дальше, одно было для него очевидно: он должен отобрать эту ценность, несмотря ни на что...

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Глава 1

На станции, скрипя колёсами, остановился поезд. Холодный ветер шевелил редкие листья, оставшиеся на деревьях. Время близилось к четверти пятого утра.

Они сошли с поезда один за другим — тридцать шесть судеб, тридцать шесть маленьких жизней. Кто-то прятал дрожь в пальцах, кто-то нарочито громко смеялся, но в глазах у всех читалось одно и то же: страх перед неизвестностью. Форма, которая должна была их объединить, пока только подчёркивала неловкость момента. Будто дети, надевшие одежду взрослых и не знающие, как в ней двигаться.

С ними вышли двое: майор Пыхтеев и сержант Копышев. Вокруг повисла звенящая тишина — только далёкий лязг уходящего поезда напоминал о недавно прерванном пути и оставлял новобранцев один на один с новым миром.

Сержант Копышев, по указанию майора, достал старый фотоаппарат и щёлкнул затвор.

— Это начало вашей истории, — протянул Копышев, разглядывая новобранцев. Те, сонные и помятые, сбивались в неровную колонну. Они ещё не знали, что скоро научатся ходить одинаково, говорить одинаково и даже думать одина-

КОВО.

При выходе из вокзала их ждал бортовой КамАЗ — пыльный, с облупившейся краской и вмятиной на боку, будто уже успел повидать немало таких растерянных лиц.

Майор Пыхтеев, не тратя слов, коротко рявкнул команду. Новобранцы зашевелились: кто-то неловко цеплялся за борт, кто-то подсаживал товарища, кто-то застыл в нерешительности, пока его не подтолкнули в спину. Пыхтеев и Копышев заняли передние сиденья.

КамАЗ тронулся, и Пётр Соколов, забравшийся в кузов последним, оказался в самом краю скамьи. Сквозь щель в потрёпанном пологе он разглядывал город — тот плыл мимо, серый и равнодушный, будто и не замечал их отъезда. Пронизывающий зимний холод пробирался под форму, забирался в рукава и щипал за пальцы; небо висело низко, затянутое сплошной пеленой, — ни проблеска солнца, ни надежды.

Дорога то и дело подбрасывала машину на ухабах, кузов мотало из стороны в сторону — Пётр невольно хватался за борт, чтобы не свалиться. Этот грохот и тряска словно отрезали его от собственных мыслей, но воспоминания всё равно прорывались сквозь шум.

Пётр вспомнил о повестке, которая со свистом ворвалась в его беззаботную жизнь. Ещё неделю назад он сидел в Пермском медколледже, лениво листая конспекты, а после занятий залипал в онлайн-играх, убегая в миры, где всё было по-

нятно и подконтрольно. Там он был кем угодно — героем, командиром, победителем. Здесь же — просто ещё одним солдатом в кузове пыльного грузовика, уносящего его прочь от всего, что он знал.

Мысли Петра сами собой унеслись к Наталье. Он вспомнил сентябрь и ту самую лекцию по первой помощи, на которой он впервые увидел её.

В тот день Пётр сидел в лекционном зале и пялился в пустую доску, пока преподаватель возился с проектором. Но вдруг дверь скрипнула, и в зал вошла она. Наталья извинилась за опоздание. Преподаватель недовольно нахмурился, сделал строгое замечание и всё же пропустил её, предупредив, чтобы больше такого не повторялось.

Это точно не последний раз, — усмехнулся про себя Пётр.

И едва она на секунду задержала на нём взгляд, внутри будто что-то оборвалось. Он растерялся так, что хотелось провалиться сквозь землю. Неловко опустил глаза — и случайно заметил на её левой лодыжке родинку, аккуратную, как маленькая точка на карте. Этот пустяковый штрих почему-то врезался в его память навсегда.

Наталья села впереди, в ряду перед ним. В глубине её тёмных волос таился мягкий, почти бархатный блеск. Пётр любовался ими. А преподаватель тем временем сухо перечислял признаки суицидального поведения и говорил, что эти знания «*мягко говоря*» могут пригодиться. Но Петру было не

до лекции. Весь мир в этот миг сузился до одного человека.

Той ночью, лёжа в темноте, Пётр снова и снова возвращался к образу Натальи. Его тайная привычка принадлежала только ей. За окном тихо шумел дождь, и этот монотонный звук будто задавал ритм его мыслям.

Пётр закрыл глаза и словно видел её перед собой: чистое личико, густые пряди волос — они ложились на плечи мягкими волнами. Он почти чувствовал их тепло и улавливал едва заметный аромат чего-то совсем домашнего, уютного. Ему казалось, что он слышит её голос — тихий и тёплый, шепчущий что-то своё, и это шептание разгоняло страх и пустоту.

Он позволял себе простые, почти наивные фантазии — прикосновения, поцелуи, внимательное, почти застенчивое изучение каждой мелочи: губ, кончика носа, маленькой родинки на ножке. В этих мыслях всё было замедленно и безопасно; там он был уверен и смел, и мир за стенами комнаты переставал существовать.

На следующий вечер Пётр неожиданно увидел её на своей лестничной площадке, и сердце у него дрогнуло от радости. Наталья была в светлых джинсах и белой блузке; тонкая цепочка струилась на открытой шее, верхняя пуговица блузки была расстёгнута, и это придавало ей непринуждённую, почти домашнюю естественность.

Только со временем Пётр узнал, что она снимает квартиру по соседству — на той же площадке. Точно, судьба, — подумал он тогда, не скрывая лёгкого восторга.

Позже он ловил обрывки её разговоров с подругами на лекциях. Узнал, что родом она из Пятигорска — не местная, и оттого казалась ещё более особенной. И даже то, как она говорила — чисто, без привычного для здешних мест картавого оттенка, — укрепляло её позиции в его сердце.

Даже злость, что обжигала его всякий раз, когда Наталья смеялась над шутками самодовольных парней, лишь доказывала, насколько сильны его чувства. Ведь так обычно показывают в романтических фильмах. Пётр чувствовал себя героем подобных историй: вот сейчас она обернётся, увидит его и поймёт, как сильно влюблена.

Но жизнь не кино: взаимности не было и в помине. Отпускать её не хотелось, но и бороться он не мог. Оставался один путь — молчать и смотреть издалека, как смотрят на красивую картину в музее: восхищаются, но не могут забрать домой.

Машина внезапно затормозила. Воспоминания оборвались на полуслове — будто книга, закрытая на самом интересном месте. Гудение мотора заглушило всё остальное; Пётр не расслышал, как сержант Копышев открыл дверь и выбрался из кабины. Сквозь шум донеслись разве что слова, брошенные на прощание:

— Ладно, товарищ майор, бывайте.

Машина продолжала ворчать, словно недовольная вынужденной остановкой. К грузовику подошёл человек в форме. До Петра донеслись обрывки фраз — короткие, рубленные: «Откуда?» и «Сколько человек в кузове?»

Затем незнакомец отодвинул шлагбаум, сдвинул шипы и распахнул тяжёлые ворота. КамАЗ тронулся, переехал лежак и въехал на закрытую территорию.

Над воротами, частично покрытая снегом, висела вывеска:

«Войсковая часть 2128».

Глава 2

— Холодно тут у вас, — пробурчал Весёлый.

Ещё в поезде майор прозвал солдата Весёлым: улыбка будто намертво приклеилась к его лицу, и никто не мог понять, что же на самом деле его так радует. Порой и сам Весёлый задумывался над этим — но улыбка всё равно возвращалась, как будто жила отдельно от него. Поначалу эта *вечная* ухмылка бесила Пыхтеева, но вскоре он смирился с этим необычным явлением.

— Да тут зима ещё в октябре начинается, — отозвался майор, и на его обветренном лице промелькнула лёгкая усмешка. — Так что готовьтесь, ребята, это только начало!

— Да неужто? — хмыкнул Весёлый, натягивая воротник бушлата.

Пётр шёл в стороне, молча вздыхал, в глубине души надеясь, что до следующего октября тут не задержится Хруст снега под берцами звучал непривычно, отчуждённо — будто эти шаги принадлежали не ему. Пётр шёл последним, словно боясь окончательно примкнуть к этой новой жизни. Холод пробирал до костей, и мысли о тепле и домашнем уюте становились для него настоящим спасением.

Когда подошли к санчасти, Пётр невольно задержал взгляд на окнах. Их украшали морозные узоры — тонкие, причудливые, словно нарисованные невидимым мастером.

Пыхтеев принялся колотить в деревянную дверь — гулкие удары раскатились по пустынной улице, но ответа долго не было. Майор, теряя терпение, достал сигарету, выругался, назвал всех баб дурами и сделал глубокую затяжку, как будто пытался вместе с дымом сжечь своё нетерпение.

— Сколько можно ждать? — прорычал он, глядя на часы и пытаясь угадать, кто там так долго возиться.

Спустя минуту настойчивых ударов дверь наконец скрипнула и отворилась. На пороге стояла девушка. Она слегка щурилась, подавляя зеवоту, но даже в этом сонном жесте было что-то такое, отчего вокруг будто потеплело: словно она принесла с собой не просто воздух из тёплого помещения, а кусочек лета в ладонях.

— Эй, это ты, Ксюш? — прищурился Пыхтеев, вглядываясь в полумрак. — Чего так долго? Тут слоники уже яйца себе отморозили.

— Ничего страшного, если немного подождут, — лениво усмехнулась она, отступая в сторону. — Им они здесь всё равно не понадобятся. Заходите.

— Как жизнь? Не замёрзла ещё в этом холоде? — продолжил майор, стараясь смягчить тон.

— Любовь греет, — коротко ответила она.

— Знаю я, какая любовь тебя греет, — пробубнил Пыхтеев себе под нос.

Пётр стоял в сыром коридоре, ветер за окнами свистел и стучал по стёклам. Пётр невольно уставился на Весёлого:

тот, как всегда, улыбался — будто и не чувствовал ледяного сквозняка. Петру это казалось странным и немного чуждым.

— Снимайте бушлаты, кителя и нательное бельё, — властно бросил майор.

Солдаты зашуршали тканями, стараясь не замёрзнуть в холодном воздухе. В этот момент зазвонил телефон.

Пыхтеев вытащил смартфон, бросил взгляд на экран — лицо его в один миг потеряло всю радость, став вдруг усталым и чужим.

— Не до тебя сейчас, — пробормотал он, глядя на имя абонента. С едва заметным раздражением отключил звук и сунул телефон обратно в карман.

Ксения бодро взбежала на второй этаж, и солдаты, будто притянутые её энергией, потянулись следом. Расстёгнутый докторский халатик развевался за её спиной, придавая фигуре лёгкую недосказанность. Пётр не мог отвести глаз: сдержанная грация походки, едва заметное покачивание бёдер — всё это захватывало его внимание, но он старался не показывать открытое любопытство.

На дворе шла пандемия (коронавирус). В санчастях тщательно проверяли температуру новоприбывших солдат, словно этот рутинный ритуал мог каким-то образом спасти ситуацию. Солдаты выстроились в ряд, молча ожидая своей очереди.

Наконец подошла очередь Пера. Ладони предательски вспотели, а сердце забилось чаще — не столько от страха,

сколько от того, что следующий шаг приблизит его к Ксении.

Напротив входа в кабинет стояла кушетка, на которой мягкое одеяло и подушка словно хранили следы бессонных дежурств. В воздухе висел терпкий запах сигарет — будто эхо давних разговоров, оборванных на полуслове.

Справа от кушетки застыл скелет — неподвижный, немного нелепый в этой обстановке. Он смотрел пустыми глазницами на полку с медицинскими книжками, словно давно смирился с тем, что знания, собранные на этих страницах, так и останутся теорией.

Рядом за столом, невозмутимо сидела медсестра. Она внимательно смотрела в коридор, ожидания следующего солдата, чей шаг нарушит эту размеренную тишину.

Ксения увидела перед собой юношу — в его облике было что-то неуловимо трогательное. Лицо с лёгкой асимметрией, худой вытянутый овал, нос с аккуратной горбинкой. В голубых глазах читалась грусть. Сутулые плечи придавали ему вид неуверенности — казалось, он хотел стать незаметнее.

Медсестра наклонилась ближе, привычно протягивая электрический градусник. Пётр невольно задержал взгляд на лёгком вырезе её блузки и слегка оголённой верхней части груди — всего на секунду, но этого хватило, чтобы вспыхнуть от стыда.

Боясь, что Ксения рано или поздно поймёт, куда устремлён его взгляд, Пётр резко перевёл глаза на её лицо — и замер. Её чуть вздёрнутый носик казался удивительно милым.

Русые волосы с осветлёнными прядями мягко ниспадали на плечи: слева они были аккуратно задраны за ухо, а справа — свободно ложились вдоль щеки, обрамляя лицо. А её чёрные глаза завораживали — в них будто таилась целая история, которую ему так отчаянно хотелось прочесть.

Здесь в армии, Ксения неизменно оказывалась в центре внимания как со стороны срочников, так и со стороны контрактников. Её полные чувственные губы, окрашенные алой помадой, создавали впечатление, что она так и уснула в макияже, дожидаясь кого-то особенного. А, может у неё действительно недавно был гость?

Мысли о губах медсестры будоражили Петра, заставляя чувствовать себя неловко и неудобно. Казалось, что градусник вот-вот лопнет от его стремления. Испугавшись, что смятение станет очевидным, он торопливо перевёл взгляд на её руки. Рукава халата были закатаны, обнажая тонкие запястья, и на левой руке проступала татуировка.

Желание познакомиться ближе было похоже на порыв ветра — сильный, внезапный, но каждый раз его что-то останавливало. Пётр представлял их разговор, и тот рассыпался, как карточный домик, от малейшего дуновения сомнений. Сказать, что она красивая? Слишком банально — наверняка она слышит такое каждый день.

Пётр ловил себя на том, что снова и снова прокручивает в голове эти фразы, и злился на себя за нерешительность. *Слабак*, — шептал внутренний голос, и от этого становилось

ещё хуже. Пётр почти ничего не знал о Ксении, а страх получить холодный взгляд или насмешку сковывал язык.

Пётр глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь. Рисковать и сказать что-то искреннее? Но что? Ждать удобного момента, когда она будет одна? Но ведь ждать — тоже не выход.

В конце концов он всхлипнул и решил оставить всё как есть. *Раз не можешь девушку заинтересовать, то и пытаться не стоит*, — решил он.

Боязнь перемен в жизнь одержала верх. Увы, не в первый раз.

Пытаясь отвлечься от собственных тревог, Пётр упомянул о проблемах со здоровьем. Но сонное выражение лица Ксении ясно показывало: заботы других её не волнуют. По крайней мере, его заботы... Он тут же умолк, будто споткнувшись о её равнодушие, и в груди снова сжалась знакомая тоска.

— Как твоя жена? И сын... как он? — внезапно спросила она у майора.

— Жена? Всё в порядке, — быстро ответил Пыхтеев, стараясь не углубляться. — Звонила совсем недавно. А вот с сыном... не знаю.

— Он приходил пару дней назад с температурой, — добавила Ксения.

В этот момент вновь зазвонил телефон. Пыхтеев сбросил звонок, даже не взглянув на экран.

— У меня сын — настоящий чемпион по болезням! Если

бы за это давали медали, он бы уже завоевал золото! С таким-то *успехом* хоть где-нибудь да выиграл!

Ксения посмеялась. Её большие чёрные глаза сузились в весёлые щёлочки, а на лице вспыхнула широкая улыбка — её смех зазвучал, как что-то яркое и живое. Когда всё закончилось, Ксения отпустила их.

Никто не ошибётся, если скажет, что каждый из новоприбывших в тот день был очарован её красотой. И, безусловно, они не заблуждаются, утверждая, что она не проявила интереса ни к одному из них.

Глава 3

Единым, но не ровным строем, солдаты подходили к казарме.

Перед входом телефон майор зазвонил в третий раз.

— Достала, — рывкнул майор и поднял телефон. — Говори, у меня мало времени, — ответил майор, пытаясь скрыть раздражение.

— Алло? — голос жены пробился сквозь утренние часы. — Ты где? Почему не отвечал? — она звучала обеспокоенной.

— С новобранцами разбираемся.

— С новобранцами? Неужели так долго? Ты вправду не задерживаешься с кем-то на службе?

— С кем-то? — он усмехнулся, но в его голосе уже чувствовалась нотка напряжённости. — Работа есть работа. Они только что прибыли, у нас много дел.

— Дел? — она не унималась. — Кажется, ты всё чаще не ночуешь дома...

— Это нормально! — резко ответил майор. — Ты же знаешь, как это бывает. Просто запомни: я здесь по делу.

— Просто я волнуюсь, — тихо сказала она.

— Ты слишком много думаешь! — раздражение начало сильнее проступать в его голосе. — Не стоит делать из мухи слона.

— Я просто хочу знать, что с тобой всё в порядке.

— Всё в порядке, хватит задавать вопросы! — он не сдержал гнев. — Не на допросе. У меня здесь работа, а не личная жизнь!

На эмоциях, поставив телефон в карман бушлата, майор крикнул:

— Чего вылупились, шагом марш в казарму!?

Солдаты вошли внутрь. Тусклый свет лениво разливался по комнате, подчёркивая обшарпанные стены и пропитанный временем воздух. У тумбочки напротив комнаты хранения оружия стоял дневальный¹. Его лицо — уставшее, бледное, с тенью хронического недосыпа — не вызывало ничего, кроме неприятного ощущения томительной усталости. Чуть дальше, с таким же усталым видом, медленно двигая старую швабру по изношенной деревянной поверхности, протирал пол второй дневальный.

Мимо прошёл срочник в очках — не спеша, словно весь мир вокруг него не имел значения, а его взгляд был затерян в своих собственных мыслях.

Напротив выхода из казармы за столом сидел сержант и увлечённо играл в телефоне. Увидев майора, он резко вскочил:

— Товарищ майор, сержант Круглов, дежурный по КМБ.

— Не нужно этого всего, Круглов. Я же не дежурный по

¹ Дневальный (помощник дежурного по роте) — это солдат, который наблюдает за порядком и чистотой в помещении в течение дня. (Прим. автора)

части. Садись. Вот, — майор указал на парней, — привёл тебе слоников.

— Сколько их? — произнёс Круглов, рассеяно, словно разговор был лишь назойливым шумом на фоне игры.

— Тридцать шесть.

— Ух, — сержант на миг приподнял брови.

— Кстати, где ответственный по КМБ²?

— Он спит, — произнёс сержант с лёгкой неуверенностью, будто не был уверен, стоил ли поднимать эту тему.

— А кто сегодня?

— Лейтенант Петренко.

— Понятно. Главный халявщик 2128. Мягкий и ленивый. Вот и вся его характеристика. Как там говорят: *«Что кончается на “о”, называется говно»*?

Сержант Круглов дёрнул уголком рта, потом не сдержался и тихо усмехнулся, поджав губы, чтобы не рассмеяться в голос.

— Ладно, — майор Пыхтеев махнул рукой, оглядывая казарму. — Устрой их. Спальные места и всё такое. И мне место подыщи. Тут останусь сегодня. Леню до общаги тащиться... Я пойду пока покурю.

— Как скажете, — кивнул Круглов.

Парни направились в расположение. Вокруг раздавались храп и сопение, а издалека доносился скрип кровати — будто кто-то ворочался, никак не находя удобного положе-

² КМБ — Курс молодого бойца.

ния. Освещение было выключено, но сквозь окна пробивался мягкий свет фонарного столба, создавая на полу и стенах причудливые полутени. В этой зыбкой полутьме очертания предметов казались чужими, почти зловещими.

— Вон там ваши места, располагайтесь, — глухо произнёс Круглов, махнув рукой в сторону коек.

Все устроились. Пётр прилёг на угловую одиночную кровать. Матрас оказался жёстким, а подушка пахла чем-то затхлым — будто годами лежала в закрытом шкафу. Пётр повернулся на бок, натянул на себя грубое одеяло и закрыл глаза, но сон не шёл.

Это место вызывало у него всё большее недовольство. Пётр мысленно проклинал тот день, когда неделю назад получил повестку из военкомата. Что только он не предпринимал, чтобы не быть сейчас здесь! Справка из колледжа об обучении и медицинская справка о проблемах со здоровьем оказались бесполезными.

Скрипы с кровати стали слышаться всё отчётливее — будто кто-то дёргал пружинный механизм в судорогах.

— Эй, ты чего?! — вскрикнул один из солдат, а полутьме голос прозвучал непривычно хрипло.

Пётр оглянулся. Там, в кубрике, парень содрогался в приступе: его то скручивало от напряжения, то отпускало, чтобы через секунду снова сковать судорогой. Лицо его в свете уличного фонаря выглядело пугающе бледным. Товарищ тряс его за плечи, кричал что-то неразборчивое, но тот будто

не слышал.

Вскоре в проёме возник дежурный. Разбудил ответственного — лейтенанта Петренко. Тот ещё не до конца стёр с лица следы сна, но тревога уже проступила в глазах.

— Дневальный! — прокричал Петренко. — Звони в калечку³. Скажи, чтобы пришли сюда!

— Я сам позвоню, — отозвался сержант.

Лейтенант, напрягая лоб, пытался понять, что делать дальше. В полутьме его лицо выглядело ещё более измождённым. Обдумав ситуацию, он резко крикнул:

— Шприц... Где Шприц? Где этот очкарик?

— Он в туалете, — ответил дневальный, невольно вытягивая голову в плечи.

— Твою душу! Быстрее его сюда. Иначе я ему этот вантуз в *очко* запихну. Бегом, дневальный!

Дневальный, не теряя времени, сорвался с места и растворился в тёмном коридоре. Через пару минут раздался торопливый топот, и в расположение влетел Шприц — худощавый парень с поблёскивающими в слабом свете очками. Он тяжело дышал, но старался держаться ровно.

— Ты где ходишь? — крикнул лейтенант, не скрывая раздражения. Его голос эхом отразился от стен, заставив остальных солдат невольно притихнуть.

— Так я... — начал солдат с извиняющимся тоном, поправляя сползающие очки, — в туалете...

³ Санчасть в армии. (Прим. автора)

— Протри свои очки и быстро его осмотри! Не хватало мне, чтобы он тут помер!

Шприц, не раздумывая, приступил к осмотру. Он уверенно перевернул парня на бок, проверил дыхание и пульс. В помещении повисла напряжённая тишина — даже храп где-то в глубине казармы словно стих. Через какое-то время судороги солдата прекратились, дыхание стало ровнее.

— Что с ним? — спросил лейтенант, напряжение в голосе стало ощутимым.

— Точно не знаю, но похоже на эпилептические припадки, — ответил Шприц, сосредоточившись на состоянии парня.

В этот момент в казарму вошла медсестра Ксения. Её появление будто принесло с собой другой воздух — более чистый, упорядоченный, — и даже тусклые лампочки словно вспыхнули чуть ярче.

— Что у вас тут случилось, Рагин? — спросила она, немного нервозным голосом, обращаясь к Шприцу.

— Да, вот Коле плохо, — произнёс он, стараясь унять волнение. — Может, эпилепсия, но это как-то... неожиданно.

Ксения, нахмутив брови, немного покрутилась вокруг Коли, оценивая его состояние.

— Раз ему уже лучше, оставьте его так, — сказала она решительно. — После завтрака приведите его в санчасть.

Ксения, собрала свои медицинские принадлежности и быстро вышла из казармы, оставив за собой лёгкий шлейф

дезинфицирующего средства.

Внутри казармы царила напряжённая тишина. Солдаты обменивались обеспокоенными взглядами, пока лейтенант пытался сохранить спокойствие. Наконец, он сказал:

— Рота, всем отбой! Через час подъём.

Тревожные мысли не отпускали Петра, не позволяя ему отправиться в мир снов. Неужели у этого Коли и вправду эпилепсия? Или, возможно, он просто симулировал, надеясь на то, что его комиссуют? Комиссуют ли вообще за подобное? Справка, которую получил Пётр, никого не интересовала, даже Ксению, которая только что осмотрела больного.

Раздумья о медсестре мягко сменялись мыслями о Наталье. Пётр погрузился в воспоминания.

Постепенно он осмеливался заговорить с ней; начиналось всё с простых фраз: *«Который час?»*, *«Не дашь ручку?»*, *«Можно переписать лекцию?»*. Пётр мечтал о том, чтобы завести с ней серьёзные отношения — начать он решил с дружбы. Тактика, казалось бы, неплохая. По крайней мере, он так думал.

Он видел, как другие, более удачливые ребята, добивались успеха безо всяких схем *«дружба-признание в любви»*. Они шутили, смеялись, легко касались её руки — и она улыбалась им в ответ. Но Пётр был уверен: он хороший парень и рано или поздно она это поймёт.

Рано или поздно продолжалось целый год. Пётр был во власти чувств — они, словно тяжёлые цепи, намертво прико-

вывали его к этому бесконечному ожиданию. Он репетировал в голове идеальные диалоги, представлял, как однажды скажет что-то по-настоящему яркое и остроумное — и тогда всё измениться. Но в реальности слова застревали в горле, а смелость испарялась, стоило Наталье только взглянуть в его сторону.

Теперь, лёжа на жёсткой койке под приглушённый храп сослуживцев, он снова видел её улыбку. Её тёплый взгляд, смех... Эти образы постепенно уносили его в сон, помогая сбежать из жестокого мира реальности, где тревоги и страхи всегда были на шаг впереди.

Так, в объятиях полусна, он наконец нашёл временное укрытие от своих беспокойств, мечтая о том, что однажды всё станет на свои места.

Глава 4

6 утра.

— Рота, подъём. Подъём! — гремел голос дневального, разрывая тишину утренней казармы. Кто-то из недовольных *вежливо* попросил его закрыть рот.

С не выпавшими лицами, как зомби, срочники выстроились в две шеренги, готовые к утреннему ритуалу. Дежурный по роте, с таким же усталым лицом, начал считать солдат. Первую половину он отправил умываться, а вторую — собирать постели. Затем приказал им поменяться местами. Уборщикам, находящимся в кубриках, он отдал соответствующий приказ.

Пётр лениво оделся, словно каждое движение требовало огромных усилий. Сон длился меньше часа и совсем не хотелось вставать.

Собрав постель с неохотой, Пётр потянулся к умывальнику. Перед ним выстроилась длинная очередь — раковин на всех не хватало. К счастью, туалетные кабинки были свободны. Сделав свои дела, Пётр вернулся к умывальнику и втиснулся между двумя сослуживцами, которые оживлённо обсуждали вчерашний случай с Колей.

Пётр взглянул на себя в зеркало. Оттуда на него смотрел чужой, измождённый человек: тёмные круги под глазами, щетина, которую он раньше никогда не носил, и эти против-

ные усики, которые успели подрасти, пока он трясся в поезде. Пётр раздражённо провёл ладонью по верхней губе, будто мог стереть их одним движением.

Почистив зубы, Пётр почувствовал, как свежесть мятной пасты ненадолго пробилась сквозь усталость. Холодная вода, стекающая по лицу, на секунду взбодрила его — но только тело, не мысли. Внутри он по-прежнему ощущал тяжесть, будто на плечах лежал невидимый груз. Он не был готов к этой жизни.

Около семи утра выспавшийся лейтенант Петренко собрал всех у казармы, распорядившись выстроиться в колонну по три.

— Как думаете, с какой стороны внутрь войдём? — с любопытством спросил один из парней, глядя на товарищей.

Ему ответил Рагин, которого тут прозвали Шприцом:

— Я думаю, с левой стороны. Петренко всегда заводит с левой.

Пётр, не понимая, о чём идёт речь, занял место в последней шеренге посередине, стараясь не привлекать к себе внимания. Он всё ещё чувствовал себя разбитым: тело ныло после короткого сна, а в голове словно гудел назойливый комар — не давая сосредоточиться.

— Шагом марш! — скомандовал Петренко.

Все дружно двинулись в сторону столовой. Дорога казалась бесконечной, а ноги из-за неудобных берцов, будто налились свинцом. Когда солдаты подошли и выровнялись перед

входом, лейтенант первым вошёл внутрь. Петренко доложил дежурному по части, сколько человек прибыло для приёма пищи.

— Рота, головные уборы снять! — скомандовал он. — Слева по одному — шагом марш!

Теперь Пётр понял, о чём говорили Рагин с тем парнем. Если встать в правильном месте, существовала надежда одним из первых войти в помещение, где так приятно было бы посидеть за столом и согреться.

В холле, где висели бушлаты, стоял охранник — его руки были скрещены на груди, взгляд отстранённый, будто происходящее в столовой его совсем не касалось.

Столовая была полна людей: шум, суeta, звон ложек о тарелки — но в воздухе всё равно висело некое напряжение.

Взгляд Петра остановился на одном из столиков. Там сидел срочник — понурый, с повисшей головой. Несколько старослужащих парней кавказской национальности смеялись и подшучивали над ним, их голоса звучали слишком громко, слишком издевательски.

— Ну же, Стёпка, давай за мамку, за папку! — выкрикнул один из них.

Стёпа молчал. Его глаза были полны страха и безнадёжности, плечи подрагивали — то ли от сдерживаемых слёз, то ли от бессильной злости.

Внутри Петра что-то вскипело. Мысли проносились у него в голове. Что это такое? Бьют. Оскорбляют. Берут на

службу с заболеваниями. Больше переживают за то, что их могут уволить, чем за то, что кому-то реально может стать плохо.

Пётр не мог отвести взгляд от этой сцены, и сердце сжималось от жалости и злости одновременно. Ему хотелось шагнуть в их сторону, сказать что-то резкое, но ноги будто приросли к полу.

Впереди двое других срочников негромко переговаривались, стараясь, чтобы их не услышали:

— Опять этого пацана не оставляют в покое. Куда только сержанты смотрят?

— Да, жалко его. Надеюсь, нас так трогать не будут... А он, интересно, из какой роты?

— Из третьей, кажется.

— Да уж, а я думал, в первой роте жёсть.

— Так там старшина зверь, и рота показательная. А тут, как видишь... Я слышал, что он ещё в караул ходит. Ну, в наряд...

— Да, понял я. Интересно, он хоть оружие в руках нормально держать может?

Пётр слушал разговор и чувствовал, как надежда ускользает. В душе разливалась тягучая, давящая пустота.

Он глядел на Стёпу — и вдруг будто увидел себя: тот же согнутый силуэт, тот же потухший взгляд, в котором нет ни вызова, ни надежды. Мысль эта ударила под дых: он и сам может оказаться на месте Стёпы — таким же одиноким, бес-

помощным, раздавленным этой неумолимой машиной, где слабые становятся мишенью.

Подошла очередь Петра. Ему положили на поднос кашу, яйцо и конфету. Каша бесформенной серой массой прилипла к тарелке, будто намертво в неё вцепилась.

Конфета оказалась такой твёрдой, что казалось, зубы сломаются, если попытаться её надкусить. Варёное яйцо, по крайней мере, выглядело прилично — единственная маленькая радость среди этого унылого завтрака.

Внезапно раздался резкий, властный голос лейтенанта:
— Рота, окончить приём пищи! Встать! Одеться и ждать меня на улице!

Для Петра это было полной неожиданностью. Хоть еда и не шла ни в какое сравнение с домашней, кушать хотелось невыносимо.

В животе заурчало от голода, напомнив о себе, но спорить было бесполезно. Пришлось подчиниться. Он торопливо проглотил половинку яйца, собрал поднос и отнёс его к стойке.

На выходе он заметил, как Петренко остался за столом и о чём-то оживлённо говорил с незнакомым офицером. Видимо, разговор был очень важный.

На улице холодный ветер хлестнул по лицу, резко напомнив о реальности, но сердце всё ещё отзывалось на гнетущую атмосферу столовой. Ребята собирались вокруг, смеясь

и обсуждая свои дела, а Пётр чувствовал себя отстранённым, словно между ним и остальными выросла невидимая стена.

Он с трудом осознавал: это не просто потерянный завтрак — это часть жизни, где и ему может выпасть роль того несчастного парнишки, над которым смеются. Мысли о будущем становились тяжелее — с каждым мгновением они давили сильнее, будто прижимали к земле невидимой тяжестью.

— Кто взял мою шапку? — прокричал один из солдат, озираясь по сторонам.

— Ты что, шапку *проебал*? — ухмыляясь, спросил другой. Его смех звонко разрезал холодный воздух.

— Не смешно, — ответил первый. Его голос звучал явно встревожено.

— Ладно, пацаны, верните шапку, — вмешался третий, пытаясь навести порядок в этой суматохе. — Чего вы угораете? Вы же знаете, что будет...

В этой перепалке они и не заметили, как вышел лейтенант Петренко. Его присутствие мгновенно изменило атмосферу: смех оборвался на полуслове, разговоры стихли, будто кто-то выключил звук.

— Что здесь случилось? — голос лейтенанта был непривычно грозным.

— Товарищ лейтенант, — солдат пытался подобрать подходящие слова, — я кажется, шапку потерял.

— Новую значит, роди, — с насмешкой ответил лейте-

нант.

— А где же, товари...

— Не моя проблема, — отрезал Петренко. — Если до обеда не найдёшь, будете отвечать все. Вы же знаете правила. Все меня поняли?

Так точно, товарищ лейтенант! — хором ответили солдаты, но в их голосах звучала паника, словно они уже чувствовали тяжесть грядущего наказания.

— А сейчас — шагом марш! Пермским нужно ещё личные дела заполнить.

У Петренко зазвонил телефон, и он, бросив короткий взгляд на экран, отступил в сторону, погружаясь в разговор. В это же время в столовую вбежал срочник, потерявший шапку. Через минуту он вышел, но уже с головным убором. На его лице расплылась самодовольная улыбка.

Пётр удивлённо прищурился, глядя на него. Как он так быстро нашёл свой головной убор? Или украл? Мысль неприятно кольнула. Если украл, то у кого? Получается, теперь за пропажу будут отвечать парни из другой роты? А кто же в таком случае украл шапку у первого? Неужели тот, у кого тоже её украли?

Мысли о том, как в этой замкнутой системе всё переплетено, напоминали Петру о том, как в армии даже мелочи могут обернуться серьёзными последствиями. Он чувствовал, как внутри нарастает напряжение, словно пружина, которую сжимают всё сильнее. И с пугающей ясностью осозна-

вал: каждый лишний шаг здесь может привести к неожиданным последствиям — и не всегда ты сам выбираешь, куда эта дорога тебя приведёт.

Приказ лейтенанта Петренко мгновенно выстроил солдат на центральном проходе.

Всех срочников, кроме новоприбывших, он отправил на важное боевое задание — чистить снег на территории. Командир полка был недоволен тем, сколько снега намело за ночь.

К оставшимся же солдатам Петренко обратился с просьбой рассказать об их умениях. Это весьма тонкий момент в судьбе каждого срочника. Показать, что ты отлично разбираешься в электрике или сантехнике, — всё равно, что подписать смертный приговор.

В армии для любого навыка тут же находилась работа: «специалист» месяцами чинил проводку или копался в моторе, пока более хитрые и ленивые сослуживцы беззаботно дремали в укромных уголках. Это неписанное правило знали все старослужащие — но новички о нём ещё не догадывались.

Однако, как это часто бывает, не все новички осознают, что инициатива — это не всегда благо, и порой она жестоко наказывает инициатора. Многие из них, полагая, что, поделившись своими способностями, они заслужат лёгкую службу, охотно рассказывали о своих талантах, не подозревая о

возможных последствиях.

Пётр, однако, не располагал особыми талантами. Когда лейтенант спросил, кто умеет пользоваться компьютером, он уже был готов поднять руку — в конце концов, сидеть за монитором куда приятнее, чем месить снег или возиться с машинами.

Но в этот момент его опередил другой солдат. Лейтенант коротко кивнул, что-то отметил в блокноте, и парень расплылся в довольной улыбке, не подозревая, что теперь его дни будут проходить в пыльном кабинете за устаревшим ноутбуком, выполняя бесконечные поручения начальства.

После разговора с Петренко новоприбывшие срочники были направлены в комнату досуга, а Петру доверили ответственное задание — заполнить личные дела новобранцев.

Разложив перед собой папки, Пётр принялся за работу. Сначала всё шло механически: фамилия, имя, год рождения, место призыва.

Но постепенно рутина отступила перед чем-то более тревожным. С каждой новой страницей перед ним разворачивались маленькие драмы, спрятанные за сухими строками анкет. Пётр с неприятным удивлением отметил, что у большинства из них — двадцати четырёх человек — не было отца или его роль исполнял отчим, что далеко не всегда воспринималось положительно.

Из личных дел становилось ясно, что судьбы этих молодых людей порой были весьма непростыми. Пятеро воспи-

тывались отчимами — по едва заметным пометкам в примечаниях Пётр догадывался, что отношения в семьях складывались непростые. У троих отцы ушли из жизни из-за пагубной привычки курения — словно медленная, удушающая смерть, растянутая на годы. Коронавирус унёс из жизни двоих. У одного из них отец погиб в результате ДТП, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Остальных же парней их отцы по тем или иным причинам просто бросили.

В своём же личном деле Пётр в графе «Отчество» после короткого раздумья поставил прочерк, словно подчёркивая свою уникальность и непростую историю.

Заполнение личных дел заняло целую половину дня. Когда последняя папка была аккуратно сложена в стопку, наступило время обеда.

* * *

Обед, как и ожидалось, не сильно отличался по качеству от завтрака. Разве что гороховое пюре оказалось на удивление неплохим — оно хотя бы держало форму и не расплзлось по тарелке серой жижей. Остальное, по сути, не имело смысла упоминать: кусок серого мяса, будто лишённый вкуса и запаха, водянистый суп, на котором плавали редкие островки зелени и чай, отдававший металлом.

Снег без боя не сдавался. После обеда к работе подключили пермских новобранцев. Из «оружия» выдали лопаты и

скребки — причём только малая часть этого арсенала отличалась хорошим качеством. Большинство лопат имели погнутые лезвия или расшатанные черенки, а скребки выглядели так, будто пережили не одну зиму.

Некоторым солдатам скребков не хватало, и тогда они нашли оригинальное решение: ложились на снег, раскинув руки в стороны, поднимали ноги вверх, а другие, ухватив их за голени, тянули по снегу, создавая импровизированные скребки. Чего только не сделаешь ради победы!

Битва со снегом продолжалась до ужина. К концу работы все были мокрыми от пота, несмотря на мороз: бушлаты промокли, воротники покрылись инеем, а пальцы, даже в перчатках, немели от холода.

В итоге победу одержать всё-таки удалось: дорожки расчистили, сугробы утрамбовали, и снег, казалось, отступил. Хотя все понимали — это лишь временная передышка: ночью снова пойдёт метель, и завтра придётся начинать сначала.

Тем временем сержанта Круглова, дежурившего на посту КМБ, сменил сержант Копышев.

Уставшие, солдаты отправились на ужин, надеясь хоть на каплю разнообразия в меню. На этот раз им предложили рис с рыбой.

Представьте себе: огромная кастрюля, наполненная сухим, комковатым рисом, в котором плавали куски резиновой

рыбы с костями. Это «блюдо» томилось целых пять часов, прежде чем попасть в тарелки к солдатам.

Запах, стоявший в воздухе, был настолько специфическим, что даже самые голодные невольно морщились.

— Товарищ сержант, у меня рыба какая-то резиновая, — не выдержав, произнёс Весёлый, не скрывая недовольства.

— Баба у тебя дома резиновая, а это еда! Служил бы ты в моё время, тебя бы научили, что в армии не до капризов. Мы ели то, что давали, и не жаловались!

Пётр почти не вслушивался в этот обмен репликами. Его мысли витали где-то далеко — там, где еда имела вкус, а вечера не заканчивались тупой усталостью. Важно было побыстрее покончить с ужином: Пётр слишком хорошо помнил, чем закончился его завтрак. Он механически отправлял в рот куски резиновой рыбы, стараясь не чувствовать её неприятный привкус.

После ужина солдаты двинулись в сторону казармы строевым маршем. Ну, если это вообще можно было назвать маршем — новобранцы больше напоминали слонят, еле переставляя ноги под смех сержанта и подколы более опытных срочников. Кто-то из них даже подыгрывал, изображая неуклюжие движения, что заставляло остальных хохотать ещё громче.

В самой казарме, сбросив бушлаты в сушилку, парни с облегчением отправились в так называемое *свободное время*.

Здесь, вдали от строгих команд и непривычного меню, они могли позволить себе расслабиться, обменяться шутками и просто пообщаться. Эта непринуждённая атмосфера помогала забыть о суровой реальности военной жизни — хоть и на короткое время.

После тяжёлого дня Пётр решил искупаться. Душевые кабинки находились в правой части туалетной комнаты. Перед Петром стояли аккуратные, ухоженные кабинки, каждая из которых, будто, ждала своего часа, чтобы стать пристанищем для усталых солдат. Не всё так плохо, как казалось, — решил он. Пётр удивился, что никого не было в очереди.

В такие моменты он особенно ценил возможность побыть наедине с собой: шум казармы отступал, строгие распоряжки словно теряли власть над ним. Пётр шагнул вперёд, уже предвкушая тёплую воду и короткую передышку, но тут его остановил дневальный, который только вышел с туалета:

— В этих кабинках купаться запрещено.

— Почему? — удивился Пётр: неужели и купаться здесь запрещено?

— Вот, примешь присягу, поставят тебя дневальным в какой-нибудь казарме — и будешь убирать душевые за срочниками. Поймёшь, о чём я говорю, — дневальный вздохнул, будто груз всей армейской службы лёг ему на плечи. — Душевые-то — ладно. Вот очки⁴ — это жёсть. Некоторые не

⁴ Армейский (и отчасти дворовый) жаргон: туалет. Отверстия в полу часто овальной или прямоугольной формы.

могут нормально в дырку попасть. Вот и приходится убирать чужое *дерьмо*.

Пётр почувствовал, как холодок пробежал по спине от этой откровенности. Мысли о возможной службе дневальным заставили его задуматься: что значит быть частью этой системы — где одни вечно убирают за другими, где усталость и раздражение передаются, как эстафета. Он представил себя с ведром и тряпкой, стоящим посреди мокрой плитки, и от этой картины стало ещё тоскливее.

— Да уж, — пробормотал Пётр, отводя взгляд, чтобы скрыть неловкость. — Надеюсь, до этого не дойдёт. А где же тогда можно купаться? Не в *очках* же?

— Купаться можно вот в тех кабинках, — ответил дневальный и указал пальцем в узкий проход, где тускло горела одинокая лампа.

Пётр посмотрел в ту сторону: проход казался тёмным и зловещим, словно вёл не в душ, а в какое-то подземелье.

— Такие вот дела. Кстати, не снимай тапочки, когда в кабинку заходишь. На всякий случай, — добавил дневальный, цокнув языком, как будто это было самым важным правилом их суровой жизни.

Отстояв немного в очереди (он был последним), Пётр наконец вошёл в одну из кабинок. Внутри царила настоящая неразбериха: на полу темнели пятна грязи и потёки, а воздух был пропитан странными запахами — смесью дешёвого мыла и чего-то затхлого. Совет дневального «не снимать тапоч-

ки» оказался весьма кстати, и Пётр мысленно поблагодарил его за это предупреждение.

Вглядевшись, он заметил около слива комки волос. Мысль о том, откуда они могли взяться, вызывала у Петра содрогание.

Пётр быстро решил, что не станет здесь мыться. В углу стояла ещё одна кабинка — он поспешил туда. Вторая выглядела ненамного лучше, но, благо, волос там не оказалось, что уже ощущалась настоящим успехом.

Не снимая тапочек, Пётр вошёл внутрь и аккуратно закрыл шторку. После долгого рабочего дня ему отчаянно хотелось смыть с себя усталость, грязь и тягостные мысли. Сняв с себя всё лишнее, Пётр на мгновение замер, будто проверяя, действительно ли никто не видит и не слышит. Перед ним предстал образ Ксении — настойчивый, живой, как будто она стояла совсем рядом.

Он закрыл глаза, позволяя этим образам оформиться: её походка, голос, губы. Воображение дорисовывало детали, делало их теплее, ближе, почти осязаемыми. Пётр погружался в это состояние всё глубже, отгораживаясь от холодных стен, от чужого пространства, от самой реальности. Постепенно он находил ритм, цеплялся за образы, удерживал их, не давая рассыпаться. И когда напряжение достигло предела, его наконец отпустило — коротко, почти бесшумно. Пётр открыл глаза, и вместе с этим ощущением вернулась реальность: холодная, неподвижная, лишённая той теплоты, кото-

рую он только что сам себе выдумал.

Отпустив напряжение, Пётр решил принять душ. Только теперь он заметил, что дужка смесителя сломана. Повернув краник с горячей водой, он с удовольствием предвкушал, как сейчас будет стоять под тёплыми струями. В ответ из лейки ударила холодная вода — резкая, без предупреждения.

Сейчас пойдёт горячая, — подумал он, ожидая перемен.

Прошла минута, но вода оставалась ледяной. Пётр попробовал покрутить другой краник — безрезультатно. Иллюзия выбора исчезла так же быстро, как и надежда на комфорт.

Пётр шагнул под струю. Холод обжёг кожу, будто тонкие иглы впились в тело; дыхание сбилось, плечи непроизвольно сжались. Он быстро намылился, стараясь не задерживаться под струями дольше необходимого, и стиснул зубы, доводя дело до конца.

Когда всё закончилось, он вышел, дрожа, с кожей, покрытой мурашками. Маленькое полотенце почти не грело, но он торопливо растирался, пока не почувствовал, как тепло начинает возвращаться.

Пётр вошёл в комнату досуга. Там парень по фамилии Попов увлечённо играл в шахматы, сосредоточенно обдумывая свой следующий ход: пальцы его замерли над конём, брови сошлись на переносице — будто от этого хода зависела судьба полка.

Весёлый уютно устроился перед телевизором, погружаясь

в мир детективного сюжета. На экране появился харизматичный герой с помятым плащом, сигарой в уголке рта и усталым, цепким взглядом. Петру вдруг показалось, что с одним глазом у героя было что-то неладное — это добавляло загадочности образу сыщика.

Рядом парни обсуждали свою жизнь на гражданке и армейскую службу. Пётр устроился рядом с Весёлым и невольно подслушал разговор:

— Слыхали о старшине с первой роты? — спросил первый, глядя по сторонам.

— Этот, который срочника убил? Воробьёв, по-моему, — подхватил второй.

— Не Воробьёв, а Воронов, — поправил его первый, понизив голос.

— Я не думаю, что он убил, — сомневался третий, — глупости всё это.

— Ага. А чего тогда про него слухи-то ходят? — недовольно промычал второй. — Слухи на пустом месте не рождаются.

— Да, — согласился первый, оглядываясь, будто кто-то мог услышать. — Говорят, он в полигоне его задушил. Но никто не знает, что там на самом деле произошло.

Третий скрестил руки на груди, его лицо стало серьёзным:

— А чем же тогда военно-следственный отдел⁵ занимал-

⁵ Военно-следственный отдел (коротко: ВСО) — расследуют преступления, совершённые офицерами, прапорщиками, контрактниками и солдатами срочной

ся?

Первый пожал плечами, будто вопрос его не касался:

— Я-то откуда знаю? Замяли, наверное, дело. Им же самим не выгодно, чтобы срочники в армии умирали. Закроют часть и всё тут.

Второй поднял брови, заинтересованный:

— А как срочника-то звали?

— Не знаю, говорю же. Меня там не было. И надеюсь, никогда там не будет. В *жопу* эту первую роту. Лучше спокойно служить в другой роте, мыть полы и закончить службу по быстрее.

— Да и про *очки* не забудь, — захихикал второй и достал с кармана шайбу. Внутри лежал снюс.

— Ага, забудешь про них. По ночам будут сниться. Дай мне тоже. Ты, где их достал-то? С гражданки пронёс?

— Нет, шмонали же вещи. Здесь взял. Сегодня, — он передал немного снюса своего другу.

— Будешь? — спросил он у третьего.

Тот заправил жижой свой вейп и покачал головой.

— Не, не люблю я этот мусор, — отказался он и закурил. — И смотри, особо не пались. Здесь они запрещены.

— Понятное дело, — ответил второй, наклонившись ближе к остальным и шёпотом продолжил, указывая на Петра. — А этот не проболтается, интересно?

службы. Это может включать в себя различные правонарушения, такие как уголовные преступления, дисциплинарные проступки и другие нарушения закона.

Пётр почувствовал на себе пристальный взгляд и поспешно отвёл глаза — ему совсем не хотелось, чтобы его втягивали в разговор на подобные темы.

— Не думаю. Он и в поезде молча ехал. Ни с кем не разговаривал. Молчун, короче.

От этих рассказов Петру стало немного не по себе. Сердце начало стучать, будто умоляло вырваться наружу, на свежий воздух.

И словно «исполняющая» просьбы золотая рыбка, дневальный прокричал:

— КМБ, через пять минут построиться у входа в казарму.

Парни, словно рой пчёл, метнулись в расположение. В спешке они на ходу натягивали форму: из сушилки хватали высохшие, но всё ещё отдающие сыростью бушлаты, кое-как нахлобучивали шапки, а на ноги торопливо натягивали берцы, которые ещё не успели как следует разноситься. Зашнуровать их успел, увы, не каждый — свободные шнурки болтались, свисая неровными петлями.

И вот уже 98 парней, переглядываясь и перешёптываясь, выстроились у входа в казарму. Сержант Копышев подошёл вплотную — его тяжёлый взгляд, будто острый клинок, пронзал каждого, заставляя мгновенно собраться. Он резко выстроил их в шеренгу, и вся рота дружно зашагала в сторону плаца.

— Да, — произнёс он, почёсывая затылок, — нужно подучить вас строевому, а-то шагаете, как не знаю что. Ну, ни-

чего, завтра будет вам строевая.

Плац, затянутый вечерней темнотой, выглядел ещё более внушительным, чем обычно. Тусклые огни фонарей едва освещали широкое пространство вокруг — их слабый свет выхватывал из мрака лишь узкие полосы земли, оставляя остальное в зыбкой полутьме. Другие роты уже заняли свои места — солдаты застыли в строгих шеренгах, их тёмные силуэты чётко выделялись на фоне ночного неба.

Пока солдаты стояли в ожидании, сержант, с лёгкой усмешкой на лице, обратился к личному составу, его голос звучал уверенно:

— Так, бойцы, скажите мне, для чего же нужен пояс для бушлата?

Среди строя раздался голос:

— Там что-то, связанное со строевым.

— Верно, — продолжал сержант, придавая своему голосу немного торжественности. — Если пояс надеть правильно, он будет оберегать ваши почки во время строевого марша. И тогда, возможно, вы не будете *сикать* кровью, а мне не придётся отвлекаться на ваши недомогания и тратить время на визиты в санчасть.

Лёгкая усмешка пробежала по его лицу, и, понизив голос, он добавил:

— Хотя, если в санчасти окажется Ксюшка, то, возможно, и стоит сопроводить кого-то из вас.

Смех, сдержанный, но искренний, раздался среди ребят,

а сержант, наблюдая за их реакцией, продолжал:

— А, Пермьяки, как там у вас? Успели уже оценить медсестричку? Задумывались о ней в душевой?

— Есть о ком думать, товарищ сержант! — выкрикнул Весёлый, не скрывая своей радости.

Сержант, наклонив голову в сторону Весёлого, с лёгким сарказмом произнёс:

— О товарище своём с соседней койки, небось, думал а, Весёлый?

— Нет, конечно, товарищ сержант! — ответил тот, смущаясь.

Копышев, улыбнулся:

— Да брось ты, знаю я вас.

Внезапно воздух разрезал резкий окрик:

— СМІРНО!

Строй словно дёрнули за невидимую нитку — спины выпрямились, движения оборвались на полжеста. Дежурный по полку окинул всех коротким, цепким взглядом. Проведя вечернюю проверку, он велел:

— В казармы. Отбой!

Уже в казарме, где тени танцевали на стенах, Копышев, задумавшись о том, как скучно просто отправляться спать, решил развеять уныние и предложил срочникам забаву. Взгляд его азартно блеснул, когда он произнёс:

— Так, бойцы, сыграем в игру «Три скрипа»!

Игру эту, традиционно, начинал дневальный — он громко отдал приказ: «*отбой!*!». В ту же секунду солдаты, словно молнии, ринулись к своим койкам, стараясь уложиться в десять секунд. Каждый изо всех сил стремился избежать скрипа — а это, как известно, дело весьма непростое: старые кровати то и дело выдавали неосторожных.

Смех и приглушённые шутки наполнили комнату, но увы, не обошлось и без предательских звуков, нарушающих тишину ночи. Два скрипа раздались, будто предостережение. На третий раз, сержант, с хитрой улыбкой на губах, воскликнул:

— Подъём! — и следом добавил. — *Отбой!*

Парни, взрываясь смехом, вновь резво прыгали в свои койки, словно весёлые птенцы, но, как бы они ни старались, скрипов избежать не удавалось.

Раз пять они носились туда-сюда, словно в ритме весёлого танца, пока наконец, раскрасневшиеся и чуть запыхавшиеся, не улеглись, с недоумёнными улыбками поглядывая друг на друга.

Дневальный, с лёгкой усталостью в голосе, прокричал: «*отбой!*!» — и в одно мгновение в расположении погасили свет. Тишина окутала казарму, словно мягкий плед, укрывая усталые души. Все готовились ко сну. В воздухе витал аромат вечерних размышлений, смешанный с запахом свежего постельного белья.

Копышев, с фонарём в руках, неторопливо прошёлся по

рядом коек, словно опытный пастух, проверяющий своих овечек перед сном. Он внимательно оглядывал каждый силует под одеялом, убеждаясь, что все на месте.

Никак не приходящий сон постепенно окунал Петра в воспоминания. Он начал вспоминать свой последний разговор с Натальей — тот самый, после которого мир будто стал чуть более серым.

— Наташ, привет, — неуверенно начал он, чувствуя, как в горле пересохло. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Я долго думал об этом, и, наверное, пришло время признаться.

— О, привет, Петь, как дела? — она улыбнулась привычно, легко, будто не замечая его волнения.

— Хорошо, Наташ...

Какая-то дурацкая тревога охватила его разум. Он начал хрустеть пальцами, пытаясь избавиться от навязчивых мыслей, но это не помогало.

— Ты что-то хотел сказать? — она чуть наклонила голову, и на секунду ему показалось, что она обо всё догадывается.

— Да, я... я понял, что ты для меня очень важна. Я влюблён в тебя с первой встречи. Каждый день, проведённый с тобой, наполняет мою жизнь смыслом.

Пётр сделал шаг ближе, почти не осознавая этого. Наталья заметила приближение, удивлённо подняла брови и, с лёгкой улыбкой, чуть отступила назад. Их взгляды встретились. В воздухе повисло напряжение, полное неопределённости.

— Послушай, Петь, не то, чтобы я удивлена. Я давно заметила, как ты на меня смотришь. Но... пойми. Ты очень милый, но... давай останемся друзьями.

Слова прозвучали мягко, почти бережно, но от этого не становилось легче — они всё равно ранили.

Пётр замер, мысли спутались: «*Останемся друзьями?*» — что это значит, если они никогда не были по-настоящему близки? Неловкость окутала его, сердце тревожно ёкнуло и забилось чаще, а подходящие слова так и не находились.

Наталья прервала неловкость:

— Ладно, Петь, мне пора, обещали дождь, а я не хочу промокнуть до нитки. Пока.

Она ушла быстро, не оборачиваясь.

Дождя не было. Лишь сильный ветер играл с листвой, гнал пыль вдоль тротуара. Пётр остался один, чувствуя, как пустота внутри разрастается, заполняя всё пространство.

Почему она отвергла его? Что с ним не так? Он машинально провёл рукой по волосам, вспоминая, как она смеялась с другими — легко, звонко, — и как ему всегда казалось, что вот-вот и он станет частью этого смеха. Может, дело в его нерешительности? В том, что он слишком долго молчал? Или, наоборот, признался в любви слишком рано? Неужели он не достоин любви? Но ответ, увы, оставался вне досягаемости...

Казалось, больше всего Наталья хотела одного — избе-

жать любой встречи с Петром, словно тень, которую нужно оставить позади. Ему и самому было мучительно стыдно видаться с ней после того разговора.

Отказ Натальи случился всего за неделю до того, как Петру пришла повестка. Кто знает, может их общее желание случилось воедино и сбылось?

И теперь Пётр лежал в нежеланной располосе, слушая чей-то храп и не в силах уснуть. Это место угнетало его: стены будто давили, воздух казался тяжёлым и чужим. Он вспоминал, как во время завтрака мучали срочника — кажется, его звали Стёпой. Интересно, за что его так? Наверное, он просто помешал кому-то или сказал что-то не то.

И тогда мысль пришла сама собой, простая и холодная: *значит, нужно служить так, чтобы не трогали*. Делать, что говорят. Не спрашивать лишнего. Не попадаться на глаза.

Так, наверное, будет легче...

Глава 5

Почти месяц прошёл с того дня, как Пётр Соколов начал свою службу. За это время новобранцам выдали форму ВК-ПОб⁶ — и, как это часто бывает в армии, не всем одежда подошла по размеру. Что дали, то и носишь.

На Петре форма висела, словно мешок: обвисала на его тощем теле, подчёркивая худобу, рукава приходилось подворачивать, а брюки собирались в складки на ботинках.

У некоторых солдат одежда выглядела выцветшей и изношенной, на ней отчётливо проступали следы предыдущих владельцев: потёртости на локтях, едва заметные швы там, где латали дыры.

Всю первую неделю срочникам показывали фильм о дисциплинарном батальоне, или «дисбате», как его называли солдаты. Это место, хоть и внешне напоминало обычную войсковую часть, было пропитано атмосферой суровой, почти тюремной строгости: колючая проволока, вышки и злобные собаки создавали ощущение крепости, где свобода была только мечтой.

Наказание в дисбате налагалось за неуставные взаимоотношения и самовольное оставление части, а срок пребыва-

⁶ Всесезонный комплект полевого обмундирования. (Прим. автора)

ния не входил в год службы, что пугало молодых солдат. Здесь всё происходило по уставу: военнослужащие передвигались только бегом или строевым шагом, а разучивание устава было частью рутины.

— Физподготовка у нас до седьмого пота, — рассказывал один из «охранников», — а разучивание устава должно быть таким, чтобы каждая строчка отскакивала от зубов солдата. Уборка казармы и территории — без намёка на халтуру!

Эти требования накладывали тяжелейшую нагрузку на психику, которую могли выдержать лишь единицы.

Полным ходом шла подготовка к присяге. Сержанту Копышеву выпала честь — не особо приятная ему — научить солдат ходить строевым маршем:

— Начнём с простого — держать ногу, — сказал он, демонстрируя на себе. — На «раз» поднимаете левую ногу, левую руку за спину, правую — вперёд у грудины. Держите ногу, пока я не продолжу счёт. На «два» возвращаетесь в исходное положение. И так по кругу. Потом потренируем другую ногу, а после — всё вместе.

Слабые, неподготовленные ноги большинства парней подвели их: они теряли равновесие, неловко переминались, сбивались с ритма. Это приводило сержанта в ярость. Его злость и крики давили на некоторых срочников, мешая им сосредоточиться.

Проклиная про себя сержанта, службу и необходимость

выполнять, как ему казалось, глупые приказы, Пётр стискивал зубы. Весёлый, обычно беззаботный, теперь выглядел сосредоточенным и напряжённым — будто на него внезапно свалилась огромная ответственность, к которой он не был готов.

Солдаты понимали: их старания не увенчались успехом, и это добавляло напряжения в непростую армейскую жизнь. Каждый шаг, который должен был стать частью их новой реальности, казался им настоящим испытанием — не столько физическим, сколько психологическим.

Солдаты срочной службы, несмотря на строгий запрет, продолжали пользоваться смартфонами. Старые привычки трудно преодолеть, и многие прятали свои устройства от начальства, чтобы не спалиться. Пётр же не стал рисковать и предпочёл уставной старый кнопочный телефон, который в армии просто называли *тапиком* или *кнопкой*.

В один из дней Копышев поймал Весёлого и двух срочников за игрой в карты. Среди них был и Саня Носков, известный своим лёгким отношением к службе, друг Весёлого. Его беззаботный нрав и остроумие часто ставили ребят в забавные ситуации, и на этот раз их веселье привлекло нежелательное внимание Копышева.

— Я разве вам не объяснял, что игры в карты в армии запрещены? — произнёс он, надрезая карты ножиком на ку-

сочки.

— Объясняли, товарищ сержант, — ответили они в унисон.

— А почему тогда нарушили запрет?

— Так мы думали, что вы не спалите, — бездумно ответил Саня.

За такой ответ Копышев приказал им срочно надеть ОЗК⁷, и заставил достать матрасы из 36 кроватей, чтобы играть ими в карты.

— Будете сейчас этими матрасами в карты играть. И давайте громче, а-то через противогазы вас не слышно! — закричал сержант.

— Шестёрка крести! — кричал Саня.

— Валет крести! — парировал Морозов, второй в их командке.

— Туз! У меня туз крести, я победил! — радостно закричал Весёлый.

— Когда закончите, аккуратно соберёте ОЗК и помоете противогазы так же чисто, как кот вылизывает свои яйца. И, — обратился он к остальным, — соберёте каждый свои матрасы, когда эти разыграют партийку.

Матрас Петра тоже оказался среди тех, что использовались в игре.

⁷ Общевоинской защитный комплект. Предназначен для защиты человека от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли. (Прим. автора)

В другой раз ребята решили купить шаурму — неуставной приём пищи. Организатором на этот раз был Весёлый. Всё пошло не по плану: Копышев опять застукал эту компашку. На этот раз он заставил Весёлого кричать строевой устав на всю казарму.

— Вы даже строевым ходить нормально не умеете! — ругался Копышев. — Утка, которая только что родилась, лучше вас строевым за мамкой ходит. Хотя бы слушайте. Давай, Весёлый, начинай. Громко! Чётко! С расстановкой, будто в душе поёшь!

После этого Весёлый три дня не мог говорить нормальным голосом, а все остальные лишь смеялись на его бедственным положением.

Пётр, оставшись без телефона и других развлечений, полностью погрузился в мир шахмат. Сейчас он сидел напротив лейтенанта Петренко за обшарпанным столиком в углу комнаты досуга. Лейтенант не просто объяснял правила — он превращал каждую партию в урок: делился армейской мудростью.

В этот раз, начав партию с белой королевской пешки на e4, Пётр почувствовал, что шахматы — это не просто игра, а настоящая арена для стратегического мышления.

Лейтенант, переместив ферзевую пешку на d5, начал объяснять:

— Запомни, Пётр, в тумбочках и под матрасом ничего не прячь. Всё равно найдут, так как это самые очевидные места. Понимаешь?

Пётр кивнул и забрал ферзевую пешку (e4 x d5), радуясь первому успеху. Однако Петренко, не обращая на это внимания, вывел коня на f6 и продолжил:

— Провинился один — отвечают все. Если спалился с чем-то неуставным, то из-за тебя будут качать всю роту. Тебе это надо?

— Нет, — быстро ответил Пётр, выставляя пешку на d4, желая скорее впустить ферзя в игру.

Лейтенант передвинул коня на поле d5, взял пешку Петра и, продолжая объяснять правила, напомнил, как важно быть внимательным в армии. Пётр, стараясь не терять концентрации, продолжал игру, но вскоре оказался в невыгодной позиции. Петренко продолжил:

— В армии, действительно, можно всё, главное — не спалиться. — лейтенант немного подумал и приказал, — ходи дальше.

— Но как понять, когда можно, а когда лучше не следует? — спросил Пётр, продолжая размышлять о правилах не только шахмат, но и жизни в армии.

Петренко ответил с улыбкой:

— Тут знаешь, по ситуации лучше смотреть. Помнишь, как неделю назад у вашей роты Копышев шмон устроил, потому что в тумбочке конфеты нашли? Я-то по-доброму с ва-

ми. Устраиваю шмон только в необходимых случаях. Другие с вами так не будут. Осторожнее надо быть. Если ты будешь внимателен, то сможешь избежать большинства проблем. Ходи дальше.

Пётр поставил пешку на поле с4. В свою очередь, Петренко перевёл коня на b4. Пётр, переведя своего ферзя на a4, почувствовал прилив адреналина. Он знал, что это может быть рискованным ходом, но в его голове уже возникла стратегия.

Ага попался. Во время игры нужно меньше болтать. Пётр объявил шах чёрному королю и напал на лейтенантского коня (b4).

Пётр увидел, как Петренко перевёл своего второго коня на с6, и его сердце *упало*. Он не ожидал такого хода (сказалась неопытность), который перекрыл путь к королю и защитил коня.

— На своём надо стоять по последнего, даже если пытаются сломать, — произнёс лейтенант, — всё равно стоять на своём! Это ещё одно местное правило. Хотя оно помогает в принципе везде.

Пётр с удовлетворением перевёл свою пешку с d4 на d5, чувствуя, что теперь у него есть возможность съесть лейтенантского коня.

— Ха! — вырвалось у него, когда он осознал, что теперь лейтенант либо потеряет своего коня, либо будет вынужден убрать его с позором. В любом случае, победа!

Однако Петренко, не теряя самообладания, просто поста-

вил свою пешку на поле b5. Его спокойствие и уверенность лишь подстегнули Петра.

— Ну и что теперь? — спросил Пётр, не скрывая недоумения.

Пётр почувствовал, как напряжение нарастает. Теперь пешка лейтенанта угрожала его ферзю, и он не хотел рисковать. Мысли метались в голове: можно либо забрать пешку соперника, либо использовать ферзя для атаки.

— Ферзём? — пробормотал он вслух, но тут же вспомнил о возможных последствиях.

Он решил, что Петренко мог уже придумать план на случай, если Пётр сдвинет ферзя. И тут ему в голову пришла ясная мысль: если он переместит ферзя, то откроет путь для коня с поля b4 на c2, тем самым создаст вилку на ладью и короля. Это означало бы шах!

Пётр решился взять пешку пешкой (c4 x b5). Это был более безопасный и стратегически обоснованный ход. Он понимал, что время ферзя ещё не пришло, и нужно действовать осторожно, чтобы не дать лейтенанту шансов.

Теперь он ждал, что ответит лейтенант, готовясь к следующему шагу.

Пётр наблюдал, как Петренко выводит белопольного слона с c8 на f5, но это его не волновало. Он сосредоточился на своей стратегии и решительно забрал лейтенантского коня (d5 x Kc6), радуясь, что ещё немного и его план сработает.

Однако Петренко неожиданно перевёл своего слона с по-

ля f5 на c2, угрожая ферзю Петра. Пётр понял, что ему придётся сдвинуть своего ферзя, иначе он его потеряет.

Он решил не только сделать ход, но и попытаться забрать фигуру соперника. Передвинув ферзя с a4 на b4, Пётр с удовольствием забрал коня Петренко, спасая своего ферзя.

Ещё чуть-чуть, — подумал Пётр, чувствуя, что у него всё ещё есть шансы.

Но тут произошёл неожиданный поворот событий. Петренко, не теряя времени, перевёл ферзя с поля d8 на d1 и объявил шах и мат белому королю.

Пётр сидел в полном шоке. Он осознал, что независимо от того, какой бы ход он ни сделал, он проиграл. Даже если бы он решил съесть королём лейтенантского ферзя, шах от слона всё равно означал бы неминуемую потерю.

— Я хоть и лентяй, но мозги у меня неплохо работают, а ты, Петька, по невнимательности *проебал* фигуру. Кстати, я вспомнил ещё одно правило: в армии главное — *проебать* день, — с усмешкой подытожил лейтенант. — Мне это ещё мой брат говорил, когда я срочку служил.

Это был однозначный проигрыш.

— Ты хорошо играешь. Просто опыта не хватает. Играй почаще. И последнее правило, Пётр, в армии каждый сам за себя. И не забывай следить за своими фигурами... за всеми.

Петренко посмотрел на часы.

— Оо, — произнёс он, почёсывая затылок. — Уже пора на обед. Иди, Пётр, скажи дневальному, чтобы всех позвал.

Сегодня я вас сопровожу. После обеда займётесь уборкой.

— А как же товарищ сержант? — уточнил Пётр, пытаясь понять ситуацию.

— Копышеву нужно было заскочить в первую роту. Воронов его позвал, — ответил Петренко, отмахиваясь, словно это было делом второстепенным.

Старшину Воронова Пётр лично не знал, но каждый день слышал устрашающие слухи о нём. Самой знаменитой была история о срочнике Олеге, которого нашли повешенным на полигоне. Говорили, что это Воронов довёл его до такого — будто бы суровость и давление старшины сломали парня, и тот не выдержал. Ходили и куда более жуткие, почти неправдоподобные байки: мол, Воронов не просто довёл Олега до края — будто старшина сам напрямую причастен к этой трагедии.

Слухи разлетались, как искры от костра, шипели и гасли в одном углу казармы, чтобы вспыхнуть с новой силой в другом. Все боялись попасть в роту, где старшиной был Воронов. Пётр поддался этому всеобщему страху, осознавая, что за спиной у человека с такой репутацией скрывается тяжёлый груз.

— Товарищ лейтенант, у меня... ну, важная просьба... — Пётр растерянно потирал руки, пытаясь выглядеть уверенно.

— Какая? — спросил лейтенант, поднимая брови с интересом.

— После присяги вы не могли бы забрать меня к себе в

третью роту? — в голове Петра слышался лёгкий трепет.

— Боишься в первую попасть? — усмехнулся Петренко, пытаясь скрыть улыбку.

— Да, — ответил Пётр, чувствуя, как краска заливает лицо. — Честно, боюсь. Там... ну... вы же сами понимаете...

— Понимаю, — сказал лейтенант, с улыбкой похлопав Петра по плечу. — Ладно. Договорюсь, чтобы тебя ко мне определили. Не переживай, всё будет хорошо.

После обеда все начали уборку в казарме — парково-хозяйственный день (ПХД). Самое *любимое* занятия любого срочника. Они даже шутливо гордятся тем, как хорошо научиться убирать полы, что после какой-нибудь войны они как вкопанные будут выходить со своими швабрами и метлами грести мусор, выметая кровь с улиц. «Всё равно ничего другого не умеем», — подытоживали они.

Весёлый и Саня лежали на кроватях во время ПХД, смеялись и обсуждали, как легко можно избежать работы. Они поставили Петра на фишку: если появится Копышев, его задача: предупредить их.

Пётр, задумавшись о чём-то личном во время мытья пола, забыл о своей задаче. Вдруг дверь распахнулась, и зашёл Копышев.

— Эй, вы что тут делаете? — прорычал он, заметив солдат на кроватях.

Весёлый, увидев испуганный взгляд Петра, не удержался:

— Ох, Петя-Петя, хана тебе.

Копышев, нахмурившись ещё больше, сказал:

— Это что за беспредел? Я к вам не на прогулку пришёл!

— и не дожидаясь ответа, добавил: — пора устроить шмон. Будем проверять, что тут за безделье творится!

Пётр только развёл руками, понимая, что его забывчивость привела к серьёзным последствиям. Саня лишь пожал плечами и с ухмылкой произнёс:

— Ну, Соколов, ты точно вляпался!

Копышев доложил Петренко, который был ответственным в тот день.

— Бля, пацаны, я же вас предупредил, чтобы без вот *этого* всего служили.

— Да они вообще тупые какие-то, — прорычал Копышев.

— Те, которые до них служили, поумнее были.

— Копыш, устрой шмон. Все, кроме Соколова, быстро вошли в комнату досуга и включили телевизор. Соколову телевизор не нужен. Сокол, я тебе доверяю, помоги сержанту со шмоном.

Пётр был в замешательстве, но подчиниться пришлось. Все, кроме него закрыли в комнате досуга, как и было приказано.

Копышев и Пётр начали шмон. Они открыли тумбочки, подняли и даже снесли матрасы. В процессе нашли конфеты и печенье — кто-то устроил тайник на чёрный день. Копышев наткнулся на чей-то вейп, а Пётр обнаружил в матрасе у

Сани маленькое отверстие. Помяв матрас, он почувствовал что-то твёрдое внутри. Осторожно разорвав край, он вытащил зарядку от телефона.

Пётр посмотрел на Копышева, но тот, не заметив ничего, курил вейп.

— Фу *бля*, какой идиот курит этот говённый вкус?!

Пётр тихо усмехнулся и незаметно закинул зарядку в карман.

Постепенно шмон закончился. Копышев, уже уставший и взъерошенный, приказал Петру постоять у двери и не двигаться, пока он докладывает лейтенанту.

Через минуту Копышев вернулся вместе с Петренко. Они вошли в комнату досуга. Лейтенант окинул взглядом солдат и отдал приказ: выходить из комнаты поодиночке. Он методично проверил карманы каждого, задерживая взгляд на их лицах, — кроме Петра, доверяя ему. В какой-то момент Петру стало стыдно за это.

— Хорошо, — подытожил лейтенант, когда последний солдат прошёл проверку. — Теперь вы остаётесь в распоряжении. Копыш, проследи. А ты, Соколов, идёшь со мной.

При входе в комнату Пётр слышал чьё-то почти беззвучное «*бля*».

В комнате досуга работал телевизор с включённым музыкальным каналом. Петренко взял пульт со стола и отключил его, чтобы не отвлекал. Пётр не понимал, что они будут де-

лать, и от этого беспокойство только нарастало. Лейтенант, будто прочитав мысли Петра, сказал:

— Мы будем искать то, что они могли здесь спрятать.

Петренко начал рыться по углам, а Пётр стоял у двери.

— Ты думаешь, я просто так приказал им закрыться здесь, пока вы устраивали шмон?

— Ну... я думал, вы так сделали, чтобы они не мешали.

— Нет, — ответил Петренко с улыбкой. — Я сделал это нарочно: если у них есть, что прятать, пусть прячут всё в одной комнате. Нам будет так легче искать. Давай, не стесняйся, ищи. Не бойся, они не посчитают тебя *сучилой*. Отдашь то, что у тебя в кармане хозяину, и будешь прощён.

Что? Как он узнал?

Петренко поставил стул перед занавеской, поднялся на него и начал осматривать пространство за карнизом. Вскоре он обнаружил первый смартфон.

Пётр, удивлённый, воскликнул:

— Откуда вы...?

— Одно из стандартных мест. Не настолько палевное, как тумбочка с матрасом, но всё же... ага, — ответил он и подошёл к книжному шкафу.

Лёжа на полу, будто собираясь выполнить отжимание, он заглянул в щель между полом и шкафом. Просунув руку, Петренко достал второй смартфон.

— Я уже много лет этим занимаюсь и знаю, как вы, срочники мыслите. Но вот признаюсь, мало кто прятал телефон

под книжным шкафом. Кто бы это ни был, он молодец.

Пётр подошёл к большому цветочному горшку, когда в это время Петренко, шурша, лазал где-то за окном. Вскоре лейтенант достал третий смартфон.

— Вот ещё один, — сказал он, и улыбка не сползала с его губ. — Тоже редкое место. Очень редкое. Даже не знаю, как он додумался спрятать его там. Пётр же думал о том, как лейтенант додумался там посмотреть.

Петренко шёл в сторону Петра, чтобы продемонстрировать свои находки, но чем ближе он подходил, тем отчётливее было заметно, что улыбка на его лице сменилась удивлением.

— Посмотри сюда, — он указал вниз. — Что ты тут видишь?

— Горшок...

— А под ним, Соколов, под ним ты что видишь? — спросил лейтенант с некоторым нетерпением.

— А под ним... под ним я вижу землю. Во время ПХД плохо убрали?

— Не думаю. Тут явно кто-то копошился. Значит, кто-то прятал сюда свой телефон, но, похоже, вовремя его вытащил. Видимо, понял, что я и тут шмонать буду, — задумчиво произнёс Петренко. — Ладно, вот что мы сделаем...

С этими словами Петренко достал свой сенсорный телефон, аккуратно обёрнутый в чехол тёмного цвета, его взгляд стал сосредоточенным.

— Пойдём.

После выхода из комнаты досуга, Петренко приказал всем, включая Петра, встать в одну шеренгу. Приказ был выполнен без лишних слов.

— Дневальный, — обратился он, — иди, убери в *досуге*. Я там насвинячил немного.

После этих слов Петренко достал первый телефон и спросил, кому он принадлежит. Он пообещал, что, если человек честно признается, телефон не будет разбит, и после присяги будет возвращён владельцу.

Позади него прошёл дневальный с метлой и ведром. Лейтенант вновь спросил:

— Ну? Я долго ждать не буду...

— Мой телефон, товарищ лейтенант, — не выдержал один из срочников. — Это мой телефон...

— Хорошо, — ответил Петренко, удовлетворённо кивая.

То же самое он проделал и с телефонами номер «два» и «три». Каждый из срочников по очереди признавался, надеясь, что после присяги они получают своё имущество обратно.

Четвёртым Петренко достал свой телефон и снова спросил, кому он принадлежит. Но на этот раз никто не признавался. Все стояли в недоумении.

— Чего ты молчишь, владелец телефона? — спросил лейтенант. — Признавайся, как и остальные, и твой телефон не пострадает, — но никто не отзывался.

Лейтенант, видя упорное молчание, решил не тратить

время:

— Хорошо. Как я и обещал, после присяги верну все телефоны, кроме последнего.

С этими словами он положил телефоны в карман кителя и вышел с расположения, оставив солдат в задумчивости.

Все потихоньку начали расходиться. Солдаты погружались в обсуждения, пытаясь выяснить, кто же был владельцем четвёртого смартфона.

В этот момент к Петру подошёл Ильдар Касимов — один из четырёх татар, призванных на службу вместе с Петром. С лёгкой тревогой он спросил:

— Петь, ты не находил телефон во время шмона? Тёмный такой...

Пётр, потирая затылок, ответил:

— Нет, не находил.

Касимов вздохнул, отпустив плечи:

— *Блин*, я его потерял пару дней назад.

— А тот телефон, что был у Петренко, не твой случайно? — поинтересовался Пётр.

— Нет, мой был без чехла, — ответил Касимов, слегка расстроенный.

Пётр с сочувствием кивнул:

— Не переживай, Ильдар. Твой телефон обязательно найдётся.

— Тут постоянно что-то теряется. Вон и Рамиль на днях

зарядку потерял.

Внезапно Пётр вспомнил об одном важном деле.

— Понимаешь, я...

— Подожди, Ильдар, мне нужно кое-что сделать.

С этими словами, Пётр пошёл в сторону Сани.

Саня сидел на кровати у своей тумбочки, увлечённо шевеля пальцами по экрану телефона.

Где он мог его спрятать? — мелькнула мысль у Петра, прежде чем он решился позвать Саню.

Саня резко обернулся, испугавшись.

— Ты чё, придурок? Зачем так пугать?

Пётр поднял руки в невинном жесте:

— Ой, прости! Не хотел тебя напугать.

— Чё тебе надо? — отозвался грубо Саня.

— Эм... — Пётр замялся, но быстро собрался. — Я нашёл твою зарядку во время шмона. Вот, держи...

Саня фыркнул, но уже с улыбкой:

— Шмон, который, кстати, из-за тебя и случился.

— Да, ты прав. Прости ещё раз, — Пётр смущённо потёр затылок.

Саня отмахнулся:

— Ладно, прощён. Но больше так не тупи. Петрос!

В эту минуту из комнаты досуга вышел Весёлый, с недовольным лицом.

— Эй, пацаны, что за дела? Кто взял мой телефон?

Пётр не сразу понял, о чём шла речь. Кто-то негромко по-

дал голос:

— Да это, наверное, летёха взял! Он же показывал четвёртый смартфон и спрашивал чей он. Ты чего не ответил?

— Потому что на руках у летёхи был не мой телефон...

Глава 6

— В смысле, не твой телефон?

— В прямом! Пока Копышев тут всё рыл, я свою сенсорку в комнате досуга спрятал. А когда летёха скомандовал строиться на ЦП, сразу понял — и там шмон устроит. Пришлось перепрятать в горшок с цветком. Петренко бы точно нашёл.

— И что, когда он показывал телефоны, твоего там не было? — спросил Саня.

— Вот именно! Я тогда чуть не заорал от радости! Зашёл забрать свой — а его уже нет! Пока мы тут метались, кто-то успел стянуть его. Эй, пацаны, давайте без шуток! Верните, по-хорошему...

— Может, Петренко сам и стащил? — предположил кто-то, строя теорию.

— Он не брал, — вмешался Пётр. — Я своими глазами видел.

— О, точно! Петруха, может, это ты забрал, пока летёха шмонал? — подхватил Саня, с ухмылкой глядя на него.

— Не трогал я ваши телефоны! — воскликнул Пётр. — Я наблюдал всего лишь. Я вон даже Сане его зарядку вернул...

— Да, вернул, — подтвердил Саня.

— Так кто же тогда? — недоумённо спросил Весёлый, оглядывая всех вокруг.

Все в комнате замерли в молчании. Никто не шевелился.

Тайна оставалась нерешённой.

— Пацаны, давайте так: я никого сдавать не собираюсь и лишнего шума не подниму. Кто взял мою сенсорку — верните её в тот же горшок до ужина. Окей? — Весёлый мельком взглянул на часы. — Сейчас 16:07.

В комнате сразу поднялся шум. Кто-то возмущался, кто-то осуждал, а третьи — напоминали о том, что воровать не хорошо, и телефон действительно нужно вернуть.

Пётр невольно вспомнил: вечером, как обычно, позвонит мама. Значит, *тапик* нужно поставить на зарядку. Он решил, что лучше всего сделать это в комнате досуга.

Дверь, как всегда, встретила его протяжным скрипом. Внутри Саня говорил по телефону, вполголоса, но напряжённо, словно решал что-то важное. Морозов, склонившись над столом, ставил на зарядку свой кнопочный телефон. Постепенно подтягивались и остальные — комната наполнялась голосами и движением.

К ужину стало ясно: телефон Весёлому никто возвращать не собирается.

После ужина всё текло, как обычно: хлопоты с купанием, стиркой, глажкой — каждый занимался своим делом. Пётр в это время разговаривал с мамой по телефону. Она волновалась, как всегда, спрашивала, тепло ли ему, сыт ли он, не мучают ли его там.

Только Весёлый был сам не свой. Не было привычного за-

дора, искрящихся шуток. Он сидел и думал. Похоже, кража имущества ему совсем не понравилась.

На следующее утро, когда Пётр шёл в туалет умыться, его внимание привлёк шум. Он внимательно заглянул через дверь и увидел, что Весёлый, со сжатыми кулаками, давит на вчерашнего дневального: голос его звучал глухо и опасно, совсем не похоже на тот залиvistый смех, который ещё недавно раздавался по казарме.

— Да брось ты мне пургу гнать! — прорычал Весёлый. — Я же всё видел! Это тебя летёха отправил в *досуга* убираться после шмона. Значит, ты и взял мой телефон!

Дневальный махал руками в воздухе, словно пытаясь отразить напор Весёлого:

— Да не брал я! — выдавил он, дрожащим голосом. — Я пошёл убираться, но телефон я не брал. Я даже не знаю, как он выглядит.

Парень слегка отшатнулся, но в его глазах Пётр читал растерянность и страх.

— Я тебе говорю, когда я пришёл, там уже было замусорено! У горшка лежала земля! Это может значить, что кто-то ещё до моей уборки взял твой телефон!

Пётр не мог не заметить, как Весёлый, услышав эти слова, замер на месте, его ярость немного поутихла, и он задумчиво уставился на сослуживца. Пётр прижал ладонь к уголку двери, пытаясь слиться с тенью, внимая натянутой атмосфере.

Дальнейшей разговор ускользал от его ушей, но напряжение между ними было ощутимо.

После завтрака Копышев собрал ребят и разрешил им посмотреть телевизор. На экране снова крутился старый детектив о лейтенанте с мятым плащом и *стеклянным* глазом.

Однако через некоторое время Копышев собрал всех на центральном проходе. В воздухе повисло недоумение:

«*Что опять случилось?*» — такой привычный в армии вопрос.

К сожалению, всё было вполне предсказуемо — Копышев вновь решил устроить шмон. Волнение охватило ребят: никто не хотел снова убирать после развёрнутых матрасов и перевёрнутых тумбочек. Это уж точно лишнее.

На удивление, проверка заняла немного времени. Копышев лишь заглянул в два кубрика: в тот, где спал Пётр, и другой — с Весёлым и его компанией. Не найдя ничего интересного, он к своему облегчению прекратил шмон. Но тут же скомандовал Петру и ещё нескольким ребятам постричься, указав на то, что их волосы значительно превышают установленные нормы. Ребята с недовольством обменялись исподтишка взглядами, понимая, что это — ещё один пункт в их уже длинном списке обязательств.

Подождав в очереди, Пётр наконец попал на стрижку к местным *барберам* — Лёзину и Панькову. Следом за ним вошёл и Весёлый, сумбурно усевшись рядом с Паньковым, в то

время как Пётр уселся на стул к Лёзину.

— Прикинь, Весёлый, что я узнал? — начал разговор Лёзин, наклонившись ближе. — Говорят, нашли твою сенсорку.

— Да ладно, не врешь? Где?

— Где именно не знаю, но слухи ходят, что Копышев нашёл её во время шмона, и закинул в сейф к остальным телефонами, которые летёха стащил вчера.

— Надо будет спросить, когда увижу его...

Лёзин продолжал работать с машинкой, обрезая волосы Петра, и разговор постепенно перешёл на более лёгкие темы: футбол, фильмы и последние события в их жизни.

Вечером того же дня Весёлый подошёл к Петру с неожиданной просьбой:

— Слушай, Петрос, — произнёс он с лёгким нажимом в голосе, — нужно сыграть в Поповым в шахматы и обязательно выиграть.

— Почему именно я? — нахмурился Пётр, пытаясь догадаться о его мотивах.

— Да ты же постоянно с этими фигурами возишься, — ответил Весёлый, указывая на шахматную доску с расставленными пешками, — значит, знаешь, как играть.

— Я не так уж хорошо играю, — поколебался Пётр, ощущая давление.

— Мне всё равно, — отмахнулся Весёлый, его глаза горе-

ли азартом. — Главное — выиграй. Я уверен, что телефон украл кто-то из моего кубаря, и Попов знает кто. К тому же, я надеюсь, ты не забыл, что должен мне за то, что фишку просвистел? Из-за чего, по сути, и произошёл тогда шмон.

— Не забыл, — уныло ответил Пётр, осознавая, как эта просьба превращается в обязательство, а обязательств он не любил. — Почему ты так уверен, что вор из твоего кубрика?

— Я знаю этих крыс, — уверенно произнёс Весёлый, — даром время не теряют. Так, что сыграешь?

Пётр вздохнул, чувствуя, как него ложится дополнительная тяжесть. Он понимал, что отказ обернётся последствиями, которые ему не хотелось бы испытывать.

— Ладно, — наконец произнёс он, — постараюсь.

Пётр согласился помочь, хоть это было больше похоже на угрозу, чем на просьбу. Весёлый с удовлетворением кивнул, словно его план сбывался.

Попов принёс шахматную доску, сел напротив и скрестил руки на груди. Весёлый уселся рядом с Петром, готовясь наблюдать за ходом игры. Игроки расставили фигуры на доске, и вскоре партия началась.

На доске точно отражалось эмоциональное состояние обоих игроков, словно в прозрачном зеркале. У Петра в голове путались мысли. Он играл нерешительно, долго раздумывая над каждым ходом. Никак не мог решить, стоит ли двигать пешку или уже пора выдвигать коня в бой. Проиг-

рыш казался чем-то ужасным, почти фатальным — словно он приближался к неотвратимой и бесповоротной смерти. Волнение нарастало, и желание сделать правильный ход сковывало его действия, как тяжёлые оковы.

Пётр совершенно не напоминал гордого сокола; на самом деле, он никогда им и не был. Фамилия не всегда отражает истинную природу человека. Соколов — звучит резко, звонко, будто команда на взлёт; а он сидел ссутулившись, пряча взгляд.

Попов, напротив, демонстрировал уверенность. Поднятый подбородок и расправленные плечи говорили о его решительности. Его движения были чёткими и резкими, уверенными. Он не боялся рисковать фигурами, зная, что победа уже близка. Попов гордился собой и своими навыками, что ещё больше придавало ему уверенности в игре.

Одна ловушка следовала за другой на шахматной доске — словно невидимый охотник расставлял капканы на каждом возможном пути отступления. Попов, полностью поглощённый азартом, упорно продолжал игру, не желая отступать. Несмотря на то, что партия длилась всего сорок минут, казалось, что она занимала всё свободное время.

Пётр уже готов был сложить руки и признать поражение, как вдруг его взгляд упёрся в доску. Внезапно ему показалось, что ситуация напоминает ту, что произошла во время последней игры с Петренко — только теперь в его пользу.

Неужели? Что же тогда сделал лейтенант? Сглотнув комок

в горле, Пётр решительно переставил слона с поля f5 на c2 и напал на ферзя Попова.

В голове наступила пустота, но в сердце зародилась надежда: *Пожалуйста... пожалуйста, пусть он совершит ту же ошибку, что и я тогда.*

Попов решительно перешёл с поля a4 на b4, забрав коня у Соколова, и в его глазах вновь зажёгся огонёк уверенности. Ферзь был спасён.

Не раздумывая, Пётр быстро перевёл своего ферзя с поля d8 на d1 и поставил королю соперника мат. Руки Петра дрожали, а глаза светились от восторга.

Попов застыл в полном шоке — словно отражение Петра несколько минут назад. Его челюсть невольно отвисла, а глаза замигали часто-часто, будто он силился стряхнуть навязчивое, превратить случившиеся в дурной сон. Ошибки быть не могло.

— Нет. Не может быть. Как? — тараторил Попов охрипшим голосом, не веря в произошедшее.

Вид у него был подавленный, голова слегка качалась из стороны в сторону. Казалось, что у него не хватало сил взглянуть сопернику в глаза. В конечном счёте ему оставалось лишь признать поражение, подавленно опустив голову, словно сдаваясь перед невидимой силой, которая свела их на эту шахматную дуэль.

— Молодец, Пётр! — восхищённо воскликнул Весёлый, явно радующийся этой неожиданной победе. — А ты, Попов,

пойдём-ка со мной.

Пётр, находясь в состоянии лёгкой эйфории, сам не понимая, почему, последовал за ними. Они направились в сушилку, где воздух быстро становился сухим и горячим.

Как только дверь за ними закрылась, жара охватила помещение. Пётр почувствовал, как пот начинает стекать по его спине. Но это было не столь важно. В голове у него всё ещё вертелись мысли о недавней победе, а эмоциональный подъём исчезал не так быстро.

— Ну что, рассказывай, кто забрал мой телефон? — потребовал Весёлый, внимательно глядя на Попова.

— Честно говоря, у меня нет точного ответа, — ответил тот, слегка выпрямляясь.

— Что?

Весёлый замахнулся рукой, и Пётр в этот момент закрыл глаза, предчувствуя конфликт. Он почувствовал, как рука Весёлого сосредоточилась на лице Попова, но вдруг тот остановил её.

— Не зли меня, — произнёс Весёлый спокойным голосом. — Ты сам сказал, что расскажешь правду, если Петрофан победит. Он выиграл, рассказывай.

— Я не обещал ничего конкретного, — с вызовом произнёс Попов. — Я лишь говорил, что могу подсказать что-то. Ты ведь не думаешь, что вор будет так просто раскрывать себя?

Попов сильно вспотел, его лоб был покрыт испариной —

то ли от жары в сушилке, то ли от напряжённой атмосферы. Тем не менее, он продолжил:

— Я слышал чьи-то разговоры шёпотом. Ночью, когда ты выходил в туалет. Это случилось в нашем кубрике. Я не разобрал слов, так что не могу поручиться, что говорили именно о телефоне.

— А кто шушукался-то?

— Я точно не скажу, но, кажется, одним из них был Саня, — ответил Попов, явно нервничая.

— Ты уверен? — Весёлый внимательно посмотрел на него.

— Не могу быть уверенным. Но голос, кажется, доносился с его стороны. Может, он ни с кем и не говорил. У него же кровать в углу. К тому же он говорит во сне. По крайней мере, мне всегда так казалось, когда меня в ваш кубрик перевели. Ты не замечал?

— Нет, — покачал головой Весёлый. — Я обычно сплю по ночам.

— А я вот заснуть нормально не могу из-за этого, — продолжил Попов, — и из-за храпа некоторых... — сказав это, он с гримасой омерзения взглянул на Петра, который почувствовал себя неловко под этим взглядом.

— Ладно, — вздохнул Весёлый. — Свидетель из тебя, конечно, так себе, но хоть какая-то информация. Саня, значит. Кабзда ему...

Размышления Весёлого прервали крики дневального, ко-

торый требовал построения на ЦП по форме номер «раз». Пётр и Попов уже были готовы выбежать из сушилки, но Весёлый их остановил:

— Слушайте меня, — сказал он, наклонившись к ним и понизив голос. — Никому не рассказывайте о нашем разговоре. Вообще никому. Поняли? Я не хочу, чтобы этот болван перепугался и спятил. Мне нужно найти телефон до того, как он перепрячет его куда подальше.

Пётр и Попов кивнули, понимая важность его слов.

Копышев проверил личный состав и скомандовал «отбой». Пётр, уютно устроившись на койке, заметил, что медсестра Ксения сегодня не пришла. Поэтому телесного осмотра не было.

После отбоя Попов, скривившись, пожаловался на головную боль. Копышев, без особого желания, повёл его в санчасть, попутно обозвав его *каlichem*.

Пётр лежал на койке, чувствуя, как его окутывает тишина. *Везуха*, — подумал он. — *Как бы здорово было полежать в санчасти, увидеть Ксюшу.*

Он зажмурился, стараясь вспомнить, как она выглядела в последний раз. Её улыбка, глаза...

Мысли о Ксении заполнили его голову: *Почему её не было? Обычно приходит*, — принялся гадать он, прокручивая варианты. — *Может, что-то случилось? С ней? С родителями?* — сердце забилось тревожными мыслями. — *Или она*

сейчас с кем-то? С парнем? Мужем? Интересно, она замужем? Кольца вроде не было... Или всё-таки...

Раздумья Петра прервал Весёлый. Он попросил помочь ему найти нычку в туалете, где может быть спрятан телефон.

— Ладно, — ответил Пётр без особого желания.

Они прошли мимо дневального, застывшего у стены с безучастным видом, и спящего Копышева.

— А с чего ты вообще решил, что телефон в туалете? — спросил Пётр, недоумевая.

— Ну... я бы там спрятал, — ответил Весёлый с хитрой ухмылкой. — Либо в сушилке, но там слишком жарко. Может, нагреться ещё. Ладно, короче, ты осмотришься слева, я — справа.

Пётр кивнул и начал обыскивать. Он проверил бачки с водой, заглянул за трубы и даже под плитки, некоторые из которых были отломаны.

И вот, наконец, в самой дальней кабинке, под одной из плиток, Пётр с невольным восторгом обнаружил то, что искал. Два телефона: один серый, другой чёрный. Вот это удача.

— Нашёл!

Весёлый подскочил от неожиданности так резко, что чуть не поскользнулся и не влетел в открытую кабинку навстречу плохо отмытому толчку.

— Вот он, мой родненький! — воскликнул Весёлый, взяв серый телефон с трепетом. — Я знал, что найду тебя! А вто-

рой — я не знаю, чей.

Небольшой смартфон тёмного цвета остался на руках Петра.

— Чей же он тогда? — спросил он, смотря на Весёлого.

— Говорю же, не знаю... — начал тот, но не успел закончить.

Внезапно дверь туалета открылась, и вошёл Саня.

Глава 7

— Оп-па! — воскликнул Весёлый, ткнув последний слог.

— Какие люди! А ты чего здесь?

— В туалет пришёл *посрать*, — отрезал Саня, и на его лице появилась фальшивая улыбка. — А что, нельзя?

— Можно, конечно! Вот и мы с Петрофаном тоже в полдвенадцатого ночи *посрать* зашли, — ответил Весёлый, смеясь, и прикрыл нос, будто чувствовал неприятный запах.

Саня изобразил ещё более натянутую улыбку. В этот момент Пётр подумал, что тот считает их идиотами. Внезапно Весёлый сменил выражение лица и спросил:

— Это ты мой телефон забрал? Признавайся.

— Нет, клянусь, не я! — Саня защищался, нервно потирая руки. — богом клянусь.

Лицо Сани побледнело, и Пётр почувствовал, как его напряжение повисло в воздухе. В гнев Весёлого многие опасались, и сейчас это ощущалось особенно сильно.

— А кто же тогда? — продолжал давить Весёлый, его голос стал суровым. — Люли говорят, что это ты сделал.

— Кто говорит? — на этот раз лицо Сани побагровело. Ему явно неприятно слышать, как его обвиняют.

— Люди, — повторил Весёлый, не отступая.

— Ах, люди, значит? — выпалил Саня, выпрямившись. — Вот пусть эти люди идут в *жопу*! А телефон твой я не

трогал!

Пётр на мгновение замер, наблюдая за этой словесной перепалкой не зная, к чему приведёт разговор. Напряжение росло, и он понимал, что всё может плохо закончиться, если они не остановятся.

— А с кем ты шушукался вчера ночью? — с интересом спросил Весёлый.

— Ни с кем я не шушукался! — огрызнулся Саня. — Разговаривая я по ночам, вот и всё. Мамка меня по врачам водила. Лечить пытались, но, как видишь, не вылечили.

Он задумался на секунду, а затем добавил:

— Я думаю, что твой телефон Морозов взял.

— С чего ты так решил?

— Да не уверен я точно, просто... Ну, посмотри на него! Мутный он какой-то, — ответил Саня, явно стараясь отвлечь внимание.

— Больше похоже на то, что ты себя спасаешь, — заметил Весёлый с усмешкой.

— Вы чего тут делаете? — неожиданно раздался голос Копышева.

— Ничего, товарищ сержант, — хором ответили все трое.

— Тогда быстро в распорягу, пока я всю роту из-за вас троих *дебилов* не разбудил! — сурово произнёс Копышев.

— Есть!

Саня выбежал первым, и, когда остальные стали следовать за ним, тот уже растворился в темноте расположения.

— Думаешь, он правду говорит о том, что не брал твой телефон?

— Да врёт он. В туалет ему захотелось. Ага, сейчас. Он даже туалетку с собой не взял. Нет, по любому он украл. Увидел, наверное, что меня в кубрике нет. Испугался. И пришёл сюда убедиться, что телефоны не тронуты. Доказать только надо. Прямо он, как видишь, не хочет признаваться. Ладно, спасибо, что помог, — Весёлый протянул Петру руку. — И запомни: никому не говори, что мы нашли телефоны. Это наш секрет.

Пётр понимающе кивнул.

Подъём в пять утра. Понедельник. Роту разделили надвое и отправили чистить снег. Командирский день — всё должно быть чисто, как у кота яйца. Почему они всегда приводят в сравнение яйца кота?

После тяжёлой работы все отправились на завтрак — в такие дни даже обычная каша казалась изысканным угощением, а чай будто обретал особый, согревающий вкус.

Потом всех собрали на плацу. Командира полка встретили с обычным пафосом: выпрямились, выкрикнули приветствие на весь плац. Тут же заиграл гимн — кто и где включал его каждый раз, оставалось загадкой, но ритуал был нерушим. Подняли флаг.

Командир полка призвал «сопровождающих роты», отчитал за небрежно убранную территорию и раздал новые зада-

чи. Завершив наставление, он скомандовал торжественный марш вокруг плаца и отправил выполнять указания.

В казарме КМБ Копышев собрал всех на ЦП:

— Так, кто у нас писарь?

— Я, товарищ сержант, — отозвался Ильдар.

— Хорошо, тебе командир полка поручил до обеда забрать приказы о распределении: кто и в какую роту уйдёт после присяги. Понял задачу?

— Так точно!

— Молодец. Остальным нужно навести порядок. Чистенько, аккуратненько.

— Недавно же ПХД был, товарищ сержант! — возмутились солдаты.

— Командир может прийти и проверить, — парировал Копышев. Уходя, добавил: — Ненавижу заступать в командирский день. Итак, два дня подряд заступаю.

Что делать? Солдаты приступили к уборке. Переставили кровати, швабрами и метёлками чистили полы. Кто в кап-тёрке, кто в комнате досуга. Большая часть сосредоточилась на уборке расположения. Пётр также принимал участие, а Весёлый продолжал болтать с пацанами в своём кубрике.

— А что, телефоны уже нашли? — неожиданно спросил Морозов. Этот вопрос стал настоящей неожиданностью для Весёлого, Петра и остальных. — Я слышал, что Копышев их нашёл и положил в сейф.

Весёлый кивнул и добавил:

— Да, я тоже об этом слышал, но, когда спрашивал Копышева, он сказал, что меня это не касается.

После разговора Весёлый повернулся к Петру и, взяв его под руку, отвёл немного в сторону.

— Петрос, ты заметил, что Морозов спросил про телефоны?

— Да, и я обратил внимание, что он сказал «телефоны». Неужели он знает, что украденных телефонов было несколько?

— Действительно? Он так и сказал?

— Да. На сто процентов.

— Если так, тогда... хм... неужели Саня не соврал?

— Похоже, что так, — согласился Пётр, ощущая, как от слов Весёлого становится тревожно.

— А давай сделаем вот что, — предложил Весёлый, оттащив Петра в сторону, чтобы никто не мог их слышать. — Помнишь тот фильм, который мы недавно смотрели по телеку? Про сыщика?

— В мятном плаще? Как его звали?

— Неважно! Важно, что там происходило. Помнишь, как он рассорил бандитов и заставил их рассказать всю правду? А потом ещё и на диктофон записал?

Пётр кивнул, вспоминая.

— Вот это-то мы и сделаем. Рассорим мой кубрик. Надоело уже всё это притворство.

План был просто, даже наивен: Пётр, будто бы между прочим, заводил разговор с одним из кубрика, чтобы остальные невольно замечали эту беседу. В то же время Весёлый, не спеша, поступал так же с другим. Так, неторопливо и незаметно для самих себя они обходили всех по очереди.

Спрашивал ребят о том, кто, по их мнению, мог стащить телефон Весёлого. И вдобавок пускали слух, что кто-то на них настучал.

Сане сказали, что на него настучал Морозов. Зайцеву, ещё одному, с их кубаря сказали то же самое. А вот Морозову, что на него настучал Саня.

Саня, как и в первый раз валил всё на Морозова. Зайцев же заявил, что не уверен, но у него есть подозрение на Попова:

— Не забывай, он лёг в санчасть на следующий день после пропажи телефона, — сказал он Петру.

Морозов же не произнёс никаких имён и лишь молчаливо намекал, что знает, кто это мог сделать.

— Тогда так сделаем, — заявил Весёлый. — Ты тому, кто взял телефон, передай, что не сдал его. Но пусть подойдёт ко мне на обеде — я буду охранять бушлаты и хочу, чтобы он рассказал мне всё по *чесноку*.

Морозов кивнул в знак согласия, не говоря ни слова.

— Не забудь, — подытожил Весёлый. — Иначе я расскажу Копышеву обо всех, на кого у меня есть подозрения. Он церемониться не станет, построит всех на ЦП и начнёт раз-

бираться.

Обед. Весёлый, как и обещал, остался охранять бушлаты, ожидая признания, то и дело поглядывая на проход. Пётр тем временем направился к столовой. Сегодня подавали гороховое пюре — единственное блюдо, которое ему нравилось, а также суп и компот с абрикосами.

Пётр внимательно наблюдал, кто первым выйдет из столовой и направится к Весёлому. Интересно, это будет Саня? Морозов? Или кто-то ещё? Неожиданно поднялся Ильдар, сдал поднос и пошёл к выходу. Неужели он украл телефоны? Глупо, конечно, — но всё же.

Через минуту в столовую вошёл Весёлый. Разумеется, не мог же он вечно сторожить бушлаты — ему, как и все остальным, полагалось поесть. Ильдар был вторым на охране. Весёлый сел рядом с Петром, и по лицу его было видно: отсутствие признаний тревожит его куда больше, чем он хотел бы показать.

Все тихо ели и перешёптывались. Встали только после приказа Копышева.

После обеда часть срочников снова отправилась чистить снег на территории. Снег валил почти без передышки — тяжёлые, серые хлопья ложились на землю, будто торопясь стереть все следы утренней уборки. Никто толком не понимал, зачем убирать его сейчас, если снег падает с неба в режиме

реального времени. Двор к вечеру всё равно будет белым и пушистым.

Уже в расположении Весёлый грозно подошёл к Морозову и спросил:

— Почему никто не подошёл? Я же сказал, чтобы подошли.

Морозов, заметив недовольство Весёлого, смутился.

— Я не знаю, Весёлый, честно. Я говорил... сказал ему, чтобы подошёл к тебе.

— Вы меня за дурака держите? — с вызовом произнёс Весёлый, сжимая кулаки.

— Нет, конечно, нет! — поспешил успокоить его Морозов. — Я сейчас же позвоню ему. Он на территории, снег убирает.

Морозов достал кнопочный телефон и набрал номер. Пётр огляделся по сторонам. Саня был здесь, в казарме, совсем рядом. Кому же тогда собрался звонить Морозов? Да и Попов всё ещё в санчасти.

— Алло... Да, я. Почему ты не подошёл к Весёлому? Я же передал тебе его слова насчёт телефонов... Хорошо... Ладно, я скажу ему.

Морозов отключил телефон и сказал:

— Он побоялся Копышева и не вышел со столовой без разрешения. Потом его отправили на территорию. Сказал, что, когда закончит с уборкой, сразу подойдёт к тебе.

— Да кто же это такой? — вспыхнул Весёлый.

Минут через 30-40, когда Весёлый, стараясь не привлекать лишнего внимания, лежал на кровати, к нему подошёл Саня:

— Морозов передал мне, чтобы я подошёл к тебе насчёт телефонов, — сказал он, стараясь говорить тихо.

— Что? — с нарастающим недовольством спросил Весёлый. — Так это ты всё-таки украл мой телефон?

— Нет, Весёлый, клянусь тебе, — ответил Саня, поторопившись оправдаться. — Морозов сказал мне подойти к тебе, потому что сам он боится. Я просто пытаюсь помочь ему.

— Так стоп, вы меня запутали. Получается, телефон всё-таки взял Морозов?

— Да, я тебе тогда прямо сказал, что это он.

— Почему тогда он сам не подходит ко мне?

— Говорю же, боится, — тихо проговорил Саня, будто оправдываясь. — Попросил меня передать тебе: не будь с ним строг, не бей его и не рассказывай контрабасам.

— Ни хрена себе! Я ещё должен к нему прислушиваться? Он только и делает, что убегает от меня направо и налево, на другого наговаривает. Тебя прислал, как Елисея какого-нибудь! Ладно, иди отсюда. Я сам поговорю с ним.

Весёлый вместе с Петром подошли к Морозову.

— Ну что, что он тебе рассказал? — с тревогой спросил Морозов, его голос дрожал от волнения.

— Да, кое-что рассказал, — Весёлый старался сохранять

спокойствие. — Говорит, что ты взял телефон, и что побоялся ко мне подойти, поэтому отправил Саню.

На лице Морозова вспыхнули удивление и злость, словно он только что столкнулся с чем-то совершенно невыносимым.

— Что?! Что он сказал? Я забрал твой телефон? Вот гнида! Я с ним разберусь! Меня ещё *сыклом* называет, а сам тут рядом с тобой *ссыкался* от страха. Звонить просил. Притвориться, что с кем-то другим разговариваю. Вот *петух*! Я его урою!

— Разборки свои потом устраивать будете. Я в последний раз спрашиваю, кто из вас взял мой телефон? — с этими словами Весёлый взял Морозова за шкиряк⁸.

В этот момент Морозов понял, что игры окончены. Он откровенно рассказал всё как есть: что телефон Весёлого украл Саня, а второй телефон — сам Морозов. Когда Весёлый, с покрасневшими от раздражения глазами, направился искать Саню, Морозов добавил:

— Наш кубрик знал об этом. В том числе и Попов.

Но Весёлый этого уже не слышал, в отличие от Петра и Зайцева. Затем Зайцев подошёл к Петру и, сдерживая тревогу в голосе, попросил его не рассказывать Весёлому ту правду, которую тот так и не узнал. Пётр, задумавшись ответил:

— Я подумаю...

⁸ Шкирка (шкиряк) — воротник. (Прим. автора)

После того, как Весёлый всё-таки нашёл Саню, он обнаружил его на улице — тот вяло шевелил лопатой, «очищая территорию» от снега. Понимая, что разговор предстоит серьёзный, Весёлый завёл Саню вместе с Морозовым в спортзал: там они могли поговорить без лишних ушей. Пётр, покачивавшись секунду, двинулся следом.

Весёлый открыл разговор, заявив, что намерен сдать их. Морозов, не скрывая своего волнения, произнёс, что у него это с детства — *«желание украсть и получить адреналин, видимо, клептомания»*. Саня же попытался оправдаться, объясняя, что взял телефон, чтобы просто посидеть в соцсетях, полистать ленту.

Однако в ходе разговора он поменял свои показания и сказал, что телефон вытащил из цветочного горшка, чтобы никто не украл его, а потом собирался вернуть.

Звучит благородно, — подумал Пётр. — А может, он действительно хотел вернуть телефон? Ведь в тот день, когда Весёлый попросил вернуть украденное до ужина, Саня действительно был в комнате досуга. Шум и гам в казарме могли позволить ему войти туда, чтобы спокойно вернуть телефон на место. Или нет?

В любом случае, он, вероятно, рассчитывал вернуть телефон под шумок, но его план сорвал Пётр: тот вошёл в комнату, чтобы зарядить свой *тапик*.

— Ну, я вас всех услышал, — подытожил Весёлый и прогнал их из спортзала.

После их выхода он показал Петру свой телефон — на экране мигал значок включённого диктофона: он записал их разговор.

— Покажу это сержанту, — произнёс он твёрдо. — Он им устроит!

Глава 8

Вечером того же дня они поговорили с Петренко и Копышевым. Лейтенант сказал, что на *губу* их не отправит, но «*вещную*» службу им обеспечит. Чистка *очек* теперь станет их основной работой на оставшийся год.

В это время Попов вернулся из санчасти. Он прошёл мимо, стараясь не привлекать к себе внимания, словно был невидимкой в потоке людей.

— Кстати, — начал Весёлый, — хочешь, расскажу тебе, как всё проходило с самого начала?

— Да, расскажи, — ответил Пётр, хоть и выглядел уставшим, но в глазах его горело любопытство. Весёлому тоже не терпелось поделиться всеми подробностями.

— Помнишь тот шмон, который Копышев устроил в выходной? Это я его попросил. Догадываешься, почему он проверил только твой и мой кубрик? Я вас подозревал. Честно говоря, думал, что и ты замешан.

— А как ты его убедил? Он никак не отреагировал на то, что у тебя сенсорка есть?

— Он сам мне её и продал, — с улыбкой ответил Весёлый. — Конечно, отругал меня за то, что телефон потерял, но обещал, что шмон устроит.

Тонкие брови Петра приподнялись от удивления. Он стиснул губы, прикусив их, и засунул руки в карманы.

— А помнишь, во время стрижки Лёзин сказал, что телефон нашёл Копышев, хотя на самом деле мы с тобой его отыскиали только через несколько часов в туалете?

— Помню. Ты чуть в кабинку не влетел!

Весёлый рассмеялся.

— Так вот, это тоже была моя идея. Я решил задействовать «сарафанное радио» или, как у нас говорят, «солдатское радио». Я это в фильме про ментов увидел, который мы в тот день смотрели.

— Умно!

— Да не особо. Пользы всё равно не принесло.

— А почему я играл в шахматы с Поповым?

— А, это? Как я уже говорил, я предполагал, что вор либо ты, либо кто-то из моего кубрика. Попов, как ты знаешь, тоже с моего кубаря. Я точно знал, что он на это не пойдёт. Ну, знаешь, он честный, хоть и гордый, воровать не стал бы. По крайней мере, я так подумал. Потом мне пришла в голову мысль, что он может знать кое-что важное.

Весёлый тяжело вздохнул, и продолжил:

— Во время разговора он сказал, что расскажет только в том случае, если я обыграю его в шахматы. Я отшутился: «Ты что, совсем обнаглел?» А он отвечает, что ему здесь скучно, хочется чего-то интересного. У меня тогда возникло желание вмазать ему, да только спалился бы во время телесного осмотра. А у меня и так косяков хватает. Вот и согласился, только с условием, что играть буду не я, а ты. Он быстро со-

гласился, сказал, что ему всё равно, кого побеждать. Поэтому я и подошёл к тебе. Тогда я ещё не был уверен, что это не ты телефон украл.

— Почему?

— Да скрытный ты какой-то. Ни с кем не дружишь, не общаешься. В поезде тоже молчаливый был, о чём-то своём думал. Не мог понять, какой ты человек на самом деле. Но сейчас знаю — человек ты хороший. Просто беспокойный.

Немного помолчав, он продолжил:

— У меня план был. Пока вы играете, понаблюдать во круг, кто будет нервничать. Но ты победил, красава. В сушилке Попов сказал нам, что это может быть Саня, если только не разговаривает во сне.

— Да, помню.

— Потом скомандовали «отбой». А мне спать не хотелось. Лежал и думал, куда же вор мог мой телефон спрятать. Решил, что идеальное место для этого — туалет. Так что в одиннадцать, когда можно было туда сходить, я собирался там поискать. Встал, иду и вижу: ты не спишь, думаешь о чём-то. Я решил, что, возможно, ты тоже пытаешься понять, где мой телефон.

— Да, — слегка неуверенно произнёс Пётр, — именно об этом я и думал...

— Ну вот, а я о чём? Ты ещё идти не хотел.

Потом ты нашёл телефон. И не только мой. Всё остальное ты уже знаешь: вошёл Саня, утверждал, что это не он, а по-

том выяснилось, что всё-таки он. В общем...

Они замолкли на мгновение, и затем Весёлый прервал тишину:

— Кстати, помнишь, Саня говорил, что хотел вернуть телефон, но не смог?

— Помню...

— Мне кажется, он не врёт. Если, конечно, Морозов не попросил его позвонить в тот момент, чтобы всё выглядело менее подозрительно. Или приблизительно в это время. В общем, не важно. Главное, что телефон найден. Справедливость восстановлена. Преступники будут мыть *очки* до конца службы. Я счастлив. Вывод: нужно выбирать себе правильных друзей!

Петру почему-то было приятно видеть на лице Весёлого его искреннюю радость. Это странное ощущение напоминало ему о собственной гордости за то, что он смог помочь кому-то, и у него это действительно получилось. Он чувствовал, что добился успеха. Это состояние счастья он ощутил, возможно, впервые за много лет.

— Кстати, забыл спросить, чей был второй телефон? — спросил Весёлый.

— Думаю, я знаю, чей он.

— Громов, Соколов, на выход!

— Что это он? Пойдём, узнаем?

Они подбежали к дневальному. Сегодня дневальным стоял другой солдат, здоровый и крепкий, даже крупнее Весё-

лого.

— Чего там?

— Капитан Лебедев вас вызывает.

— Вызывают проституток! — выпалил Весёлый с недо-
вольством.

— Моё дело вас позвать, а ты, *слоняра*, не выделяйся!
Весёлый не ответил, и вместе с Петром, зашагал к каби-
нету капитана.

— О, это вы? — произнёс Лебедев. Он отложил бумаги и
посмотрел на солдат с лёгким недоверием. — Проходите.

Капитан, высокий и с короткой стрижкой, сидел за столом
с расслабленным видом. С погона на его правом плече сви-
сала одна звёздочка.

— Ну, рассказывайте.

Весёлый с Петром рассказали историю, стараясь подчерк-
нуть важные детали, но тщательно избегая упоминания о
диктофоне. Они оба пришли к выводу, что информация об
этом может только усложнить ситуацию. Лучше оставить её
в секрете, пока не станет ясно, какой план был у капитана.

Лебедев выслушал их.

— Что ж, как я понял, Петренко с Копышевым придума-
ли для них неплохое наказание, — этот факт вызвал у него
улыбку. — Вам же я посоветую одно: не распространять эту
историю за пределами роты. Репутация у КМБ должна быть
на высоте.

Петру с Весёлым ничего не оставалось, как пообещать выполнить приказ и молча удалиться из комнаты. Но, как вдруг, капитан остановил их:

— Знаете уже, кто куда распределён?

Точно! Поглощённые поисками, они совсем забыли про распределение.

— Никак нет! — ответили они, слегка смущённые.

— Ладно. Сейчас я вам зачитаю. Вот у меня как раз ведомость, — Лебедев взял со стола бумагу. — Так... Громов «Весёлый» Илья Викторович, ты попадёшь у нас в третью роту. Что ж, неплохо. А ты, Соколов... что у нас тут? Ага. Первая рота. Супер.

Во рту у Петра пересохло, словно туда насыпали песка. На висках выступили холодные капли пота, а сердце, казалось, разбухло до невероятных размеров — тяжёлыми толчками оно билось о рёбра, будто пыталось вырваться наружу.

— Но ведь лейтенант Петренко обещал, что поможет попасть к нему в третью роту! — выдавил Пётр, надеясь, что это заявление хотя бы немного изменит ситуацию.

— Петренко здесь ничего не решает, — отрезал Лебедев. — Он может, конечно, попросить, но в итоге его мнение ничто. Он здесь никто. Обычный летёха.

Услышанная новость омрачила весь сегодняшний день. Казалось, все недавние победы улетучились. Так сильно Пётр не хотел в роту к старшине Воронову.

— Ничего страшного, — попытался подбодрить его капитан.

— Не переживай. Нормально там. Всё, что говорят — лишь слухи...

— Да, конечно, — только и смог выдавить из себя Пётр, чувствуя, как внутри у него всё сжимается.

— Ладно, всё, можете идти.

После выхода из кабинета им на пути встретился сержант Копышев. Весёлый, не теряя времени, рассказал ему о просьбе Лебедева.

— Ага, репутация КМБ его волнует, конечно, — с насмешкой ответил Копышев. — Какой debil в это поверит? Он просто за свою новогоднюю премию переживает. Терять, видимо, не хочет.

Остальное Пётр уже не слушал. Ему было не интересно, и мысли лишь блуждали по кругу, не давая покоя. Он решил пойти в комнату досуга и посмотреть телевизор, надеясь, что какой-нибудь фильм сможет отвлечь его от мрачных дум.

Проходя мимо кабинета писаря, Пётр кое-что вспомнил. Вошёл внутрь. Ильдар сидел за столом перед компьютером: голова и плечи его были опущены.

— Чего грустишь? — спросил Пётр.

— Да вот, в первую роту распределили. Я думал, что, если изначально у Петренко писарем попрошусь, он меня к себе в роту перекинет. А эти из первой роты узнали, что я уже обученный, вот и перехватили меня. Как говорится: «Инициатива дрючит инициатора». Вот облом, да?

— Да, — согласился Пётр, глядя на Ильдара с пониманием, хотя сам он был в той же ситуации. — Ну, ты хотя бы точно знаешь, что писарем будешь. Это уже плюс.

— Не знаю, какой такой плюс быть писарем при Воронове. Слышал, наверное, слухи о нём? — Пётр кивнул. — Так вот. Я не думаю, что он убил того срочника, возможно, дошёл до самоубийства своей грозностью. Не просто так же его «зверем» называют. Но всё равно неприятно... страшно...

— По крайней мере, писарем быть не так уж и страшно, чем неизвестно кем. Я тоже туда попал.

— Да, я смотрел списки. Кстати, недавно видел их писаря в столовой — выглядит, как настоящий дед инсайдник: бледный, взгляд отрешённый, будто вообще не здесь находится. И фамилия, по-моему, примерно такая же...

Ильдар взял в руки мышь и начал катать колёсико вниз.

— Знаешь, кто ещё туда попал? Саня! А вот Морозов с Весёлым — в третью к Петренко. Вот везуха.

При упоминании Морозова Пётр вспомнил, зачем зашёл в кабинет.

— Кстати, помнишь ты говорил, что потерял телефон чёрного цвета?

— Да, — отозвался Ильдар, — Ты его нашёл?

— Нашёл, — Пётр достал смартфон из кармана кителя и протянул Ильдару. — Не теряй больше.

— Круто. Спасибо! А где ты его раскопал?

— Не спрашивай, пожалуйста. Никогда не думал, что буду

лазать в таких местах.

ПРИСЯГА

Воскресное утро. Середина января 2021 года.

На улице стоял сильный мороз. Солдат разбудили в пять утра. Срочники слегка потирая глаза, вскочили с кроватей. Как обычно, началась уборка: быстро и чётко, чтобы успеть всё сделать до завтрака.

После раннего приёма пищи, который прошёл в бодрой атмосфере, все переоделись в «парадную форму одежды» — прямая, строгая, подчёркивающая их статус.

В соседней казарме ребятам выдали оружие под роспись в ведомости, естественно, без боеприпасов. Теперь они полностью готовы принять на себя ответственность и служить своей стране. По крайней мере, ждали от них именно этого.

Позже Петренко повзводно построил солдат на плацу. Молодых должен был сопровождать капитан Лебедев. Но его недавняя новогодняя история стала предметом обсуждений не только на КМБ, но и за его пределами. Капитан, перебрав на празднике, позволил себе немного лишнего и, как оказалось блеванул прямо при командире полка. Солдатское радио передавало, что он *блестяще* справился с задачей и, в итоге, получил штраф — его лишили премии и перевели в другую часть, подальше от этой.

Как сказал сам полковник:

— Лебедев давно сидел у меня в печёнках.

На плацу разместили два стола, а над трибунами висели часы, с холодной методичностью отсчитывающие каждую секунду ожидания. Рядом с ними поблёскивал градусник, упрямый столбик ртути застыл на отметке «минус 25».

Приказали ждать начала, — думал Пётр Соколов, ощущая, как время тянется бесконечно. Эти два часа ожидания стали для него самыми долгими и неприятными в жизни. Руки мёрзли даже через варежки, и он пытался согреть их, потирая одну о другую.

Постепенно начинали собираться остальные военнослужащие. Срочники, офицеры, знамённая группа и весь остальной *маскарад*, включая командира полка, полковника Иванова, заполняли плац.

Из-за коронавируса были введены ограничения, и родственники солдат, принимающих присягу, не смогли приехать. Это добавляло горечи к этому важному моменту — для многих служба начиналась без поддержки близких.

Наконец, они приступили. Солдаты строевым шагом двигались к столу, где стоял офицер, готовые произнести важные, как им говорили, слова. Каждый брал папку, внутри которой был текст воинской присяги, и зачитывал её. В идеале нужно было читать, не заглядывая в папку, но не у всех это получалось. Пётр старался запомнить каждое слово, но волнение мешало ему.

После зачитывания присяги они расписывались в ведомо-

стях. Однако ручка Петра, словно решившая подшутить над ним в этот важный момент, отказывалась писать. Офицер, принимающий у него присягу, мягко намекнул ему, что ставить подпись не обязательно. Пётр, смущённый, развернулся и вернулся в строй.

Всё! Теперь Пётр Соколов настоящий солдат. Когда последний из новобранцев произнёс слова присяги, полк прошёл вокруг плаца торжественным маршем. После завершения церемонии все отправились в казармы, чтобы сдать оружие, осознавая, что впереди их ждут новые испытания и настоящая армейская жизнь.

Лейтенант Петренко, как и обещал, вернул телефоны солдатам, но приказал быть аккуратными и не попадаться. Не у всех получилось внять его совету. Некоторые ребята, забыв о строгих порядках, начали активно переписываться и делиться эмоциями в соцсетях, не осознавая, что это может вызвать недовольство у командования.

Пётр, наблюдая за этим, понимал, что в армии важно не только следовать приказам, но и проявлять осторожность...

ПЕРВАЯ ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ РОТА

Глава 1

В день присяги, уже после обеда, в казарму КМБ вошёл сержант Копышев. Пришёл он за теми, кто принял присягу.

Дежурный по роте быстро собрал ребят и построил их на центральном проходе. Копышев, с важным выражением лица, прошёлся по списку. Вышли сорок шесть человек. В их числе был и Пётр Соколов, сердце которого трепетало от волнения, словно птица, готовая выпорхнуть из клетки.

— Берите вещи и выходите! — громко скомандовал Копышев. — Становитесь у казармы!

Спустя минуту сорок шесть юношей выстроились в аккуратную колонну по трое и затаили дыхание, ожидая дальнейших указаний. В воздухе витала атмосфера ожидания, чередующаяся шёпотом и тихими разговорами, отразившим все надежды и страхи, которые они пронесли в своих сердцах.

— Шагом марш! — резко произнёс Копышев, гасив угольки своей сигареты о землю, где они оставили небольшой след.

В ответ строй зашагал вперёд, как единое целое, слаженно

поднимая ноги в ритме командующего.

— Стоять! Раз-два! — скомандовал Копышев, и каждый солдат мгновенно замер на месте, как по щелчку.

Копышев остановил их у входа в казарму номер «один». Снег аккуратно укрывал крышу, создавая уютный контраст с холодным серым небом. Чёткие линии окон придавали зданию строгость, а ухоженные газоны, теперь придавленные зимним покровом, напоминали о порядке и дисциплине, царивших здесь. Казарма стояла, словно крепость, готовая к любым испытаниям.

— С левой стороны шагом марш! — скомандовал Копышев, уверенно подавая знак к движению.

Казарма выглядела чистой и аккуратной. Справа от входа располагалась комната хранения оружия, а напротив, как и положено, дежурил дневальный на тумбочке. На стене, у входа в расположение, висели пригвождённые телефоны, а под ними лежали красные карточки с надписью «Место для вашего телефона». В центре стены, на другой красной карточке, значилось: «Использование радиотелефонов сотовой связи и приёмников персонального радиовызова ЗАПРЕЩЕНО».

В воздухе витала атмосфера строгой дисциплины. Пол вскрикивал под шагами — будто специально создан, чтобы по ночам никто не шастал по казарме: каждый скрип, каждый стук отдавался в тишине так звонко, что, казалось, даже дышать нужно было осторожнее.

— Постройтесь на центральном проходе и поставьте сумки перед собой, — сказал Копышев. — Я сейчас вернусь.

Через минуту он вернулся, и не один. Рядом с ним стоял мужчина среднего роста, крепкого телосложения в чуть помятой форме, украшенной погонями старшего прапорщика. На голове его еле виднелись седые волоски, а руки он держал за спиной — будто подготавливаясь к чему-то важному.

Этот мужчина отдал команду встать смирно, затем, внимательно осматривая всех присутствующих, начал свой длинный монолог. Его шаги звучали уверенно — он двигался из стороны в сторону, словно проверяя, как реагируют новобранцы на его слова.

— Здравствуйте, будущие мужчины!

Он продолжал смотреть.

— Для начала я поясню, как правильно ко мне обращаться, — начал он, указывая рукой на себя. Пётр заметил, как на его запястье блестят серебряные часы, отливающие холодные светом. — Обращайтесь ко мне «товарищ старшина Воронов» или просто «товарищ старшина». Не рекомендую звание «старший прапорщик» — по личным причинам я этого не люблю. Так что запомните: «товарищ старшина» — единственное правильное обращение. И будьте уверены, кто осмелится назвать меня иначе, тот сильно об этом пожалеет.

После этих слов старшина улыбнулся, и Петра непроизвольно передёрнуло.

— В каком-то смысле я ваш шаман, ваш вождь, — про-

должил он. — Главное, запомните: я здесь второй после бога. Никаких «мама» и «папа» — забудьте об этом! Не знаю, какие грехи вы совершили на гражданке, но здесь вы всё отработаете. Можете не сомневаться.

При ходьбе он слегка покачивался, что придавало его словам особую уверенность.

— Всё, что здесь происходит, необходимо для того, чтобы освободить вас от мамкиной титьки; это ваш обряд посвящения — превращение из мальчика в мужчину, — его грозный взгляд, пронизывающий и требовательный, не оставлял сомнений в серьёзности сказанного. — В связи с этим я хочу вас поздравить: первый шаг к инициации вы уже совершили — приняли воинскую присягу.

Он продолжал:

— Не бойтесь! Никто не будет привязывать вас к лиане и выбрасывать с тридцатиметровой высоты. Вам не придётся скакать по спинам быков или есть ядовитых лягушек — всё это осталось в прошлом. Но это не значит, что я потерплю вашу слабость.

Пётр почувствовал, как его сердце замерло. Он осознал, что шутки кончились, и избежать того, о чём говорил Воронов, не получится. Его взгляд был прикован к старшине, он не замечал ничего вокруг. Зрачки без устали следили за его походкой, слегка заваливающейся в одну сторону.

Воронов на мгновение остановился и посмотрел на Петра. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы сердце солда-

та пропустило удар. Пётр, будучи не в силах выдержать этот пронизывающий взгляд, отвёл глаза в сторону. Затем старшина продолжил свою речь.

— Я вижу, кто-то уже обмочил штанишки, но не переживайте — для этого у нас есть сушилка.

Воронов повернулся:

— А ну Макаров, ко мне. Это ефрейтор Макаров.

Подошедший рыжеволосый солдат выделялся среди прочих своим ярким обликом. Веснушки, разбросанные по его лицу, придавали ему некую игривость, но в его взгляде таилось высокомерие, словно он был не просто солдатом, а знатным господином, случайно оказавшимся среди простых смертных. Средний рост, чуть выше старшины Воронова, делал его фигуру заметной, но не внушительной.

С лёгким презрением он окинул новоприбывших взглядом, словно оценивал, достойны ли они его внимания. В глазах Макарова сверкала искорка насмешки, как будто он готов был делиться своими «ценными» мнениями о каждом, кто осмелится оказаться рядом.

— Он каптёр нашей славной роты. Макаров покажет вам свободные места и тумбочки. Уложите все свои вещи, а сумки и парадку сдайте в каптёрку. Там же позже получите новую форму ВКПО.

— На всё про всё, — старшина взглянул на часы, — десять минут. Время пошло. Через десять минут строимся у входа в казарму. Будем строевую исполнять. Дневальный, слышал?

— Так точно, товарищ старшина!

* * *

Петру досталась одиночная койка. Он был счастлив. Хотя что-то хорошее за последние полтора месяца.

Несмотря на то, что новички старались выполнять приказы быстро, уложиться в десять минут у них не получилось. И, наконец, когда Пётр и остальные уже были готовы, у входа в казарму они увидели, как старослужащие из их новой роты отжимались. А старшина Воронов был недоволен:

— Пятнадцать минут! Вы опоздали на пятнадцать минут, из-за чего ваши новые товарищи развлекались, пока вас ждали. Всем встать! Вот посмотрите на их довольные лица, — старшина указал на старослужащих.

Костяшки на их пальцах были красными, а мышцы ныли от перенапряжения. На *довольных* лицах старослужащих рисовались мрачные взгляды.

— А теперь всем встать в строй! Постройтесь в шеренгу. На плац — шагом марш! Вы у меня сейчас побегаετε.

На плацу старшина произнёс:

— Сейчас будем играть в «Гусиные истории».

Некоторые солдаты в строю начали недовольно охать.

— Знаете эту игру? Старички её хорошо знают. Исходное положение — принять!

Старослужащие начали садиться на корточки, и молодые

повторили за ними. Старшина скомандовал:

— Гусиным шагом вокруг плаца, вперёд марш!

На улице был сильный мороз, и казалось, что холод проникает в кости.

— Что, слоняры, холодно? Ничего-ничего, потихоньку согреетесь! У меня нет дипломов и прочих бумажек, но я вас, слоники, жизни научу!

Солдаты кряхтели и пыхтели, стараясь не сдаваться. Некоторые солдаты, особенно молодые так уставали, что падали на пол, и старшина заставлял и делать дополнительные круги.

— Вам ещё повезло, что зима на дворе, иначе бы вы сейчас в ОЗК вокруг плаца бегали. Мать вашу, которая вас неженками вырастила! До ужина будете ползать по плацу!

Через полчаса ребята действительно согрелись — пот струился по лбу. Старшина скомандовал:

— Стоп! Всем встать. Отдохните минутку, разомнитесь.

Ребята были рады возможности отдохнуть хоть немного. Однако минуты через две Воронов отдал новый приказ:

— Рота, упали отжаться! Играем в «раз-два-полтора».

С интервалами в четыре секунды он начал:

— Раз. Два. Раз. Два. Полтора... Держим руки! Я думаю, о правиле «Накосячил один — отвечают все» вы слышаны? — не дождавшись ответа, старшина продолжил: — Ну вот и отлично. Давай-давай, активнее! Раз-два!

Пётр постепенно ощущал слабость. Руки не слушались,

тело наливалось тяжестью. Глаза закрывались, всё плыло перед ним. Он чувствовал безысходность и вину — ведь из-за него страдала вся рота в выходной день.

Сердце замерло, дыхание перехватило. Становилось слишком жарко. От бессилия Пётр свалился лицом в снег.

— О! — рассмеялся старшина. — А я-то думал, кто из новеньких будет первым.

— Товарищ старшина, мне плохо, — еле выдавил из себя Пётр.

— Так, рядовой, фамилия? Быстро!

Пётр, запыхавшись, ответил:

— Соколов, товарищ старший... старшина. Пётр Соколов.

— Поздравляю, ты у нас первый из новеньких, кто вырубился, — усмехнулся старшина.

Рота рассмеялась, насколько хватало сил.

— Что с тобой? — спросил Воронов.

Пётр не ответил, только протирал лицо снегом. Ему нужна была прохлада. Много прохлады.

На плацу стояла тишина, когда старшина Воронов подошёл к Петру, который лежал в снегу, пытаясь прийти в себя. Лицо старшины было словно высечено из камня — в нём не читалось ни капли сочувствия.

— Соколов, — произнёс он, глядя на Петра с холодным презрением. — Я знаю, что ты хочешь комиссоваться из армии по болезни.

Пётр, всё ещё задыхаясь, попытался подняться, но ноги не

слушались. Он опустил голову, не в силах встретить взгляд старшины.

— Товарищ старшина, у меня...

— Не нужно мне твоих оправданий! — перебил его Воронов. — Здесь не место для слабаков. Мне плевать на твои проблемы. Если ты думаешь, что твоя болезнь — это повод сбежать, то ты сильно ошибаешься, сынок.

Пётр почувствовал, как внутри всё сжимается от страха и стыда.

— Сопляк.

С этими словами Воронов развернулся и обратился к сержанту Копышеву, который как раз проходил мимо:

— Так, Копыш, сопроводи этого *калеча* в санчасть. Пусть его там проверят и укол в задницу сделают.

— А может, ему сделать кожаный укол? — рассмеялся Копышев, подмигивая.

— Нет. Думаю, он его не выдержит, — рассмеялся в ответ старшина.

Смех раздался по плацу, и Пётр, чувствуя, как его охватывает стыд, лишь опустил голову, понимая, что его слабость стала предметом насмешек.

Пётр лежал на кушетке в санчасти, всё ещё чувствуя слабость после обморока. Вокруг него царила тишина, лишь изредка доносились звуки шагов и разговоров из коридора. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошла медсестра Ксе-

ния, с яркой улыбкой.

— Ну что, как ты себя чувствуешь, рядовой Соколов? — спросила она, подходя ближе.

Пётр, почувствовал аромат её духов и на мгновение забыл о своей слабости. Запах был сладким и свежим, и он не мог не заметить, как аромат немного успокаивает его нервы. Петру стало легче, и он даже почувствовал, как в груди что-то расправляется.

— Я... немного лучше, — ответил он, стараясь не выдать своего восхищения.

В этот момент в комнату вошёл сержант Копышев, с улыбкой на лице.

— Ну что, Ксюша, как наш *калеч*? — спросил он, подмигивая. — Не собираешься его в обморок снова отправить?

Ксения, не обращая внимания на шутки, продолжила осмотр. Она аккуратно проверила давление Петра и послушала сердце. Каждое её прикосновение обвивало нежностью, и Пётр чувствовал, как его охватывает тепло. Аромат её духов вскружил ему голову, и Петру вдруг захотелось остаться здесь подольше, наслаждаясь её вниманием.

— Всё в порядке, — произнесла она, глядя на него с заботой. — Ты просто немного переутомился. Отдохни, и всё будет хорошо.

Копышев, заметив, как Пётр смотрит на Ксению, усмехнулся:

— Смотри, Соколов, не влюбись в медсестру. Она не для

тебя цветёт.

Пётр, смущённый, отвёл взгляд, но в глубине души ему хотелось, чтобы этот момент длился вечно. Аромат Ксении и её забота заставляли его забыть о страхах и проблемах, и он просто хотел остаться здесь, в этом уютном уголке, под её вниманием.

Когда Пётр вернулся с санчасти, он надеялся, что пытка Воронова уже закончилась. Воскресенье — это был тот редкий день в армии, когда можно было насладиться свободным временем. Он представлял, как его товарищи, уставшие от изнурительных тренировок, собираются в комнате досуга.

Однако, как только он вышел на плац, его надежды рассеялись. На фоне серого зимнего неба, затянутого облаками, он увидел своих товарищей, которые, с потными лицами продолжали выполнять команды Воронова. Их голоса звучали в унисон, когда они пытались угнаться за требованиями старшины, который, казалось, наслаждался их усилиями, как дирижёр, управляющий оркестром.

— А, вот и наш «Отряд альфа», — произнёс Воронов, заметив Петра. — Присоединяйся к своим товарищам. Смотри, как они без тебя активно трудятся.

Пётр почувствовал, как внутри него нарастает раздражение, но он не стал показывать своё недовольство. Вместо этого он упрятал свои чувства, погружаясь в собственные мысли. Воскресенье, которое он представлял себе как время от-

дыха, превратилось в ещё одну тренировку. Он не мог не задуматься о том, как его товарищи изнуряются под строгим взглядом Воронова.

Ночью, после изнурительного дня, Пётр устроился в постели, стараясь найти хоть каплю комфорта в жёстком матрасе.

Напротив его кровати лежал парень с подавленным выражением на лице, словно он был погружён в свои мрачные мысли. В этом взгляде Пётр увидел отражение самого себя — того, кто только что ступил на порог армейской жизни, полный неуверенности и тревог.

Пётр постепенно погрузился в тишину, которая, казалось, была единственным утешением...

Глава 2

Ночь окутала казарму, утягивая новобранцев в свои мрачные объятия. Сон не приходил. Пётр Соколов лежал на своей койке, прислушиваясь к звукам, доносящимся из коридора. Первый день в показательной роте прошёл, но ночь лишь начиналась. Он желал лишь одного — погрузиться в сон. Но вместо этого его ожидала другая реальность — реальность дедовщины.

Находясь в атмосфере страха и угнетения, Соколов случайно зацепил взглядом старослужащих. Ефрейтор Макаров и его друзья, загораживаясь потухшими лампочками и тенью своих собственных тел, собирались в углу казармы, их смех зловеще раздавался в темноте. Пётр не раз слышал о дедовщине, но своими собственными глазами увидел её мрачные реалии в этот вечер.

— Ну что, «Отряд Альфа», — раздался голос Макарова, который своим произношением излучал ядовитое веселье, — готов к весёлым приключениям?

Пётр сглотнул, вспоминая, как старшина первой роты Воронов с решительной усмешкой прозвал его «Отрядом Альфа».

— Что, испугался? — не унимался ефрейтор, тряся вафельным полотенцем перед лицом новобранца. Оно переливалось в свете тусклой лампочки, угрожающе мерцало, и

Пётр понял, что будет происходить дальше. — Как там твои мышцы? Не устал качаться весь день, *Альфач*?

Смех его дружков раздался в ответ, и Пётр, не в силах сдержать себя, почувствовал, как его лицо заливают краской. Он понимал, что прозвище, данное ему старшиной, и дальше будет предметом насмешек.

Дружки Макарова разбудили остальных новичков.

Взгляд Петра метался по лицам своих сослуживцев, которые, казалось, были так же напуганы, как и он. Но вместо поддержки они лишь отворачивались, пряча глаза от надвигающейся беды.

— Встать! — приказал Макаров. Пётр без раздумий поднялся с постели.

Макаров схватил вафельное полотенце и, не сомневаясь, ударил им по спине Петра. Удар был неожиданным и резким, как холодный душ. Пётр вздрогнул, и в его голове пронеслась мысль: *«Почему никто не заступается?»*

Пётр посмотрел в сторону в поисках дежурного по роте, но не нашёл его.

— Он вышел «покурить», — сказал Макаров. Последнее слово он выделил кавычками.

Дежурный по роте вышел покурить на полчаса — в этот момент казарма стала арендой для старослужащих. Пётр не видел и старшину. Он чувствовал себя одиноким и беспомощным. Ему показалось, что Воронов, который отсутствовал этой ночью, специально оставил его одного на растерза-

ние.

Другие новички, лежащие на своих койках, лишь переводились на бок, стараясь не привлекать к себе внимание. Каждый из них боялся, что, вмешавшись, они станут следующими жертвами насмешек. Пётр чувствовал себя преданным — будто они все были связаны невидимой нитью страха.

— Ну что, «Отряд Альфа», — продолжал Макаров, — ты ведь не собираешься плакать, правда?

Смех его друзей раздался вновь, и Пётр, стиснув зубы, попытался подавить в себе обиду. Но в этот момент, когда он смотрел на смеющиеся лица старослужащих, ему казалось, что вся армейская жизнь — это лишь игра, в которой он был пешкой.

— Ну что, *Альфач*? Хочешь поиграть? — снова обратился к нему Макаров. Он сделал шаг вперёд и с силой швырнуть полотенце в лицо Петра. Удар был нанесён с такой мастерской точностью, что не оставил ни единого следа. — Давай, покажи нам свои навыки!

Пётр не мог вымолвить ни слова. Внутри него бушевали эмоции: гнев, унижение, страх. Он понимал, что должен что-то сделать, но в этот момент силы покинули его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.